

≈ 146 мин

IV. МАРКСИЗМ ИЛИ ЕВРОМАРКСИЗМ?

“И, наконец, давайте скажем, что нас тошнит от лицемерной болтовни тех, кто говорит нам, что мы не должны винить британский народ в преступлениях их правителей против Ирландии. Мы обвиняем их. Они несут ответственность за каждое преступление в той мере, в какой они поддерживают общественную систему, которая делает выгодным для одной нации подчинение другой нации”.

Джеймс Коннолли (James Connolly)

Закономерным выводом настоящей работы является то, что рабочий класс капиталистического ядра не только не эксплуатируется, но и в значительной степени живёт за счет прибавочной стоимости, создаваемой рабочими в угнетенных странах; т. е. является тем, что Энгельс назвал “буржуазным рабочим классом”, т. е. рабочей аристократией ¹.

Прибавочная стоимость является источником жизненной силы капитализма, и до тех пор, пока рабочие в странах ядра создавали ее, их объективные классовые интересы заключались в уничтожении эксплуатации и социалистическом преобразовании общества. В XIX в. рабочие ядра мировой экономики обеспечивали основную часть этой более дешевой и изобильной относительной прибавочной стоимости, имеющей фундаментальное значение для капиталистического накопления. Это утверждение сохраняло свою силу даже в том случае, когда их заработная плата дополнялась стоимостью, отнятой у крестьян и рабочих экономически отсталой колониальной периферии. Тем не менее, по мере того, как промышленность стран капиталистического

ядра превращалась в империалистические олигополии, завоёвывающие мир, приток прибавочной стоимости от прямых иностранных инвестиций и неэквивалентного обмена начал играть ключевую роль. Хотя первоначально престижные рабочие места были гарантированы только привилегированному слою трудящихся, сверхэксплуатируемым работникам экспортно-ориентированных капиталистических отраслей зависимых экономик все чаще приходилось оплачивать рост заработной платы рабочей силы стран Первого мира, что стало неременным условием расширения развитого капиталистического производственного цикла. Когда в последние десятилетия объем сверхприбыли в мировой экономике превысил прибавочную стоимость, производимую рабочими Первого мира в совокупности, их классовые интересы уже нельзя было назвать совместимыми с социалистическим проектом.

Несмотря на периодическую борьбу за свою долю сверхприбыли, классовые интересы рабочей аристократии по большей части совпадают с интересами крупной буржуазии, которая доминирует в мир-системе, контролируя земли, рабочую силу и рынки Третьего мира. Эти классовые интересы, выраженные в терминах политики, являются империалистическими, расистскими, патриархальными и в высшей степени консервативными. Экономическое положение буржуазии сохраняется в результате прямой агрессии или опосредованной войны против демократии и демократического руководства стран Третьего мира, и именно это во многом объясняет огромный разрыв в условиях жизни между странами ядра и периферии.

Наши аргументы вступают в противоречие с аргументами авторов, которые помещают буржуазный реформизм рабочего движения империалистических

стран исключительно в национальный контекст. Например, греческий социолог-марксист Никос Пуланзас (Nicos Poulantzas) утверждает, что рабочие движения в Великобритании, Франции и Германии исторически испытывали затруднения из-за: 1) принятия политической идеологии, унаследованной от [эпохи] прихода к власти национальной буржуазии, и 2) стратегий включения в политику на основе государственной гегемонии. Так, в Великобритании тот факт, что буржуазия пришла к власти при сохранении влияния части дворянства, породил отчётливо аполитичное тред-юнионистское сознание, которое не рассматривало государство как место борьбы за классовое господство. В Германии то, что Пуланзас называл лассальянством (Lasallism), то есть вера, что государство является надклассовым институтом, который при должном давлении может быть преобразован в интересах пролетариата, было влиятельным направлением, являясь отражением центральной роли государственного регулирования в формирующейся капиталистической экономике. Наконец, мы могли бы добавить, что в Соединенных Штатах белый национализм проник в рабочий класс как политико-идеологическое отражение расистского устройства капитализма, существовавшего в этом обществе. В то же время Пуланзас убедительно доказывает, что государственные гарантии уровня жизни рабочего класса и политическое влияние способствуют консолидации и поддержанию существующих структур буржуазной гегемонии.

Хотя такие аргументы важны и ценны, мы считаем необходимым подчеркнуть, что буржуазные тенденции в рамках рабочего движения прежде всего основываются на способности буржуазии обеспечить буржуазный уровень жизни для части рабочей силы. Идеология, одновременно отражающая и скрывающая доминирующие классовые отношения в обществе, имеет смысл

только тогда, когда она взаимодействует с жизненным опытом ². Исторически сложилось так, что последовательно консервативная, реформистская фракция международного рабочего класса, находящаяся в империалистических странах, получила свои привилегии только благодаря длительному подчинению угнетённой и сверхэксплуатируемой рабочей силы.

С учетом вышесказанного мы можем предложить краткий обзор перехода рабочей аристократии Великобритании, США и Германии на проимпериалистические позиции. Мы вынуждены заключить, что проимпериалистический рабочий класс может быть неспособным и несклонным предупредить рост фашизма.

IV.1. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ИМПЕРИЯ И БУРЖУАЗНЫЙ РАБОЧИЙ КЛАСС

Развитие британского рабочего движения в XIX в. может быть кратко охарактеризовано так. В 1830-х и 1840-х гг., опираясь, в основном, на английскую националистическую и монархическую риторику ³, стало набирать силу чартистское движение ⁴. Отчасти в результате его агитации, меньшинство относительно состоятельных работников мужского пола Великобритании получили избирательные права в 1867 г. Важно, однако, что это произошло после того, как колониализм обеспечил два десятилетия беспрецедентного экономического процветания в стране ⁵. В 1884 г. Генри М. Гайндман (Henry M. Hyndman), убежденный империалист и расист, сформировал Социал-демократическую федерацию, первое “марксистское” общество Великобритании. В 1883 г. Сиднеем и Беатрис Вэбб и Джорджем Бернардом Шоу

было основано Фабианское общество, опять же, беззастенчиво расистское и империалистическое, оказавшее наиболее важное теоретическое влияние на Лейбористскую партию. В 1889 г. забастовки в доках ознаменовали начало “нового движения тред-юнионов”, т. е. десятилетнего роста профсоюзной организации неквалифицированных рабочих. В 1893 г. под руководством имперски настроенного фабианца и громогласного антииммигранского оратора Кейра Харди (Keir Hardie), была создана Независимая рабочая партия. В 1900 г. Независимая рабочая партия, Социал-демократическая федерация и Фабианское общество создают Комитет рабочего представительства с целью оказания давления на Либеральную партию в интересах викторианской рабочей аристократии. Наконец, в 1906 г. была создана Лейбористская партия как средство расширения массовой базы рабочей аристократии ⁶.

Между 1850 и 1875 гг. британский капитализм господствовал на мировом рынке. За этот период повысилась заработная плата, и улучшились условия труда для британского рабочего класса, особенно для квалифицированных работников и рабочих, объединенных в профсоюзы. В последние годы XIX в. в результате значительного усовершенствования перевозок и возможностей сверхэксплуатации в колониях Британия смогла продолжить улучшать условия жизни своего рабочего класса. К примеру, британская заработная плата в сравнении с ценами выросла на 26% в 1870-х гг., на 21% в 1880-х гг., замедлившись до 11% в 1890-х гг. ⁷

Однако значительное улучшение условий жизни затронуло в основном квалифицированные верхние слои рабочей силы; рабочая аристократия того времени зарабатывала примерно в два раза больше, чем неквалифицированный

рабочий класс, который, как правило, получал меньше минимума, необходимого для поддержания адекватного существования семьи, что продемонстрировало исследование, проведенное британским правительством в 1911 г. Однако даже среди неквалифицированного работающего населения существовали значительные градации доходов, которые препятствовали его объединению для совместных действий.

В конце XIX в. английская рабочая аристократия, как определил её Энгельс, была лидером английского рабочего движения и той части рабочего класса, которую они представляли (а именно, инженеры, плотники, столяры и каменщики – способные лучше противостоять внедрению машин, а также дешевого женского и детского труда)⁸. Привилегии этих рабочих были как экономическими (включая относительно высокую заработную плату, более надежную занятость и социальное, образовательное и географическое преимущество перед большей частью рабочего класса), так и политическими – право голоса, полученное по Акту о народном представительстве 1867 г. “с его имущественным цензом, [консолидирующим] развивающуюся рабочую аристократию, позволяя ей участвовать в буржуазно-демократическом процессе”⁹.

Английское профсоюзное движение, в сущности, всегда было самым сильным в тех отраслях, где рабочие были наиболее независимыми, наиболее востребованными и наиболее высокооплачиваемыми. Например, чесальщики шерсти были первой группой английских рабочих, организовавших против эксплуатации своими работодателями¹⁰. Цеховые профсоюзы и их члены считали неквалифицированных рабочих (от которых они были отделены

профессионально, географически, экономически, культурно и даже этнически) лицами низшего социального статуса, от которых в политике нужно держаться подальше. Хотя на рубеже прошлого века британские “новые союзы” начали включать более широкие слои рабочего класса, однако, после того, как британский империализм провозгласил поддержку своего собственного рабочего класса, они вскоре стали дерадикализовываемыми и агонизирующими. Действительно, хотя совокупное влияние реформизма рабочей аристократии и государственных репрессий являются реальными факторами разложения “новых союзов” в период до 1910 г.¹¹, уровень боевитости неквалифицированной рабочей силы в викторианской Британии можно легко преувеличить. Как писал социолог и журналист Генри Мэйхью (Henry Mayhew) в 1851 г.: “Ремесленники почти поголовно ярые политиканы [по факту – чартисты – З. К.]... Неквалифицированные работники – это другой класс людей. До сих пор они были аполитичны, как лакеи... у них, кажется, нет собственных политических убеждений, а если они и были... то такие, которые ведут скорее к поддержанию существующего “порядка вещей”, чем к господству трудящихся¹²”.

Либеральный французский историк Эли Галеви (Élie Halévy) подчеркнул, что по мере развития империализма круг выгодоприобретателей от колониализма больше не ограничивался небольшой частью британской рабочей силы. Говоря о падении цен в результате колониальной торговли британского монопольного капитала, он отметил, что *“это позволило создать очень обширный слой среди британского пролетариата, способный поддерживать уровень жизни, почти идентичный уровню жизни среднего класса. Уважающий себя рабочий на севере Англии хотел иметь собственный коттедж и сад, в Ланкашире – своё пианино.*

Его жизнь была застрахована. Если он разделял общую для англичан слабость и был азартным игроком, склонным делать слишком высокие ставки на лошадей, быстрый рост сберегательных банков доказал, что он, тем не менее, учился благоразумию среднего класса”¹³ .

Представление о том, что Лейбористская партия действовала против интересов подавляющего большинства британских рабочих, не учитывает ни размер ее базы поддержки, ни, что крайне важно, их растущее богатство, подпитанное сверхэксплуатацией рабочих Третьего мира.

Лейбористская партия поддерживалась и до сих пор поддерживается не только большинством голосующих против консерваторов рабочих Великобритании, но и практически всей гаммой более мелких “левых” групп в стране (остальные осуждают неспособность лейбористов обеспечить большее процветание своим избирателям). Эта партия поддерживала существование Британской империи и трижды между 1900 и 1945 гг. управляла ей. Сама Империя снабжала промышленность Британии дешевым продовольствием и рабочей силой из Ирландии, каучуком из Малайи, какао и пальмовым маслом из Западной и большей части Восточной Африки, алмазами, золотом и другими драгоценными металлами из Южной Африки, сахаром из Вест-Индии, землями и торговлей в поселенческих доминионах Канады, Австралии и Новой Зеландии, не говоря уже о ежегодном налоге от Индии в 120 млн фунтов стерлингов в 1930-х гг. и миллионе солдат в каждой из двух мировых войн. До Первой мировой войны ее неформальное влияние диктовало экономические условия большей части Латинской Америки, Египту и Палестине, а также богатым нефтью Персии (современный Иран) и Ираку. После 1918 г. Британская империя также включала

колонии, отнятые у германского империализма. Вскоре после того, как Независимая рабочая партия раскритиковала влияние якобы непроизводительной (но все более инвестирующей в промышленность) финансовой элиты на ее создание, Лейбористская партия всецело поддержала Британскую “прогрессивную” империю “просвещенного” деспотизма. Тем самым она поддержала лишение гражданских прав, обнищание и голод подавляющего большинства из 500 млн населения империи ¹⁴ .

Оформив поддержку британской “торговли цивилизацией” ¹⁵ , британские левые смогли отвести свой взор от империализма и сосредоточить внимание на “внутренних” британских делах, в то время как лейбористы приступили к укреплению лидирующих позиций Великобритании в мировой капиталистической системе. Так, после 1928 г. Лейбористская партия, находясь в правительстве, – твердо нацеленная на защиту “того, что гражданские служащие в Уайтхолле были обучены рассматривать как национальные интересы” ¹⁶ – использовала Королевские ВВС, чтобы терроризировать и бомбардировками вгонять в подчинение индийское движение за независимость, и заключила в тюрьму около 50 000 его активистов; направляла военные корабли терроризировать суданцев; использовала войска и вводила драконовское законодательство для подавления забастовок в Кении, Нигерии, Танганьике и Гане; поддерживала усилия греческого (и таким образом немецкого) фашизма по подавлению народного антифашистского партизанского движения с 1945 по 1947 г.; использовала Особую воздушную службу и охотников за головами для усмирения движения за независимость Малайи в 1949-1951 гг.; направляла войска в Корею в период между 1950 и 1952 гг.; предоставила дипломатическую поддержку США во Вьетнаме в период с

1964 по 1970 гг.; поддержала израильскую агрессию против арабских государств на Ближнем Востоке в 1967 г.; в 1968 г. заключила контракты, предполагающие незаконное использование Родезией намибийского урана; выступала против санкций ООН в отношении Южной Африки в 1960-х и 1970-х гг.; в 1969 г. направила войска для поддержания колониального статуса Северной Ирландии, установив там режим пыток и интернирования в период с 1975 по 1979 гг.; поддерживала иранского шаха до последних дней его режима [в 1979 г.]; продавала истребители Hawk индонезийскому компрдорско-фашистскому диктатору Сухарто; вторглась и оккупировала Афганистан и Ирак в первые годы нынешнего тысячелетия ¹⁷ .

В Англии колониаторский образ мышления и связанные с ним акты насилия издавна пользовались популярностью. Швейцарский аристократ и путешественник Орас Бенедикт де Соссюр (Horace Bénédict de Saussure) писал в 1727 г. о презрении англичан к иностранцам вообще и к ирландцам в частности. Он отмечал:

“Я не думаю, что есть народ, более предвзятый по отношению к другим, чем британский народ, и они позволяют этому проявляться в своих разговорах и манерах. Они смотрят на иностранцев вообще с презрением и думают, что ничего не делается так хорошо, как в их собственной стране” ¹⁸ .

Но все же, полный расцвет британского национального шовинизма наступил только после Второй мировой войны, когда британский капитал преодолел нехватку рабочей силы, используя большое количество колониальных и неоколониальных иммигрантов ¹⁹ . По мере того, как колониальные иммигранты

приезжали в Великобританию в поисках лучшей жизни, они были склонны перемещаться в сферы, в которых имелся наивысший спрос на определенные виды труда (главным образом неквалифицированный ручной труд) и которые оставляли белые рабочие, способные занять более высокое социальное положение²⁰. После спада британского производства в 1960-х и 1970-х гг.²¹ смена расположения капиталистических предприятий, сопутствующая постиндустриальной экономике (развитие пригородов), вели к усилению экономической дискриминации в отношении внутригородских районов, в значительно большей степени затрагивая чернокожее население и этнические меньшинства Великобритании²². В результате этих процессов расовая сегрегация стала существенной частью представлений и политики расизма рабочего класса в Великобритании²³. Помогая сохранить экономический, правовой и культурный “цветной барьер” с помощью силы и внушения, рабочая аристократия может поддерживать свое дальнейшее существование в качестве социально мобильной части рабочего класса, а также сильное политическое влияние на национальном уровне, как способствуя лишению прав небелых людей, так и в качестве их относительно влиятельного “антикапиталистического” союзника. Историк Мэри Дэвис (Mary Davis) документирует, как британское рабочее движение в течение десятилетий перед Первой мировой войной и вплоть до сегодняшнего дня либо открыто выступало за репрессии против небелых рабочих со стороны государства, либо старательно “забывало” об интересах последних как особо угнетенной части национального рабочего класса²⁴.

По мнению историка Перри Андерсона (Perry Anderson), британский рабочий класс по своей сути является корпоративным и стремится к союзу с

господствующей и влиятельной буржуазией в надежде на то, что тем самым сможет улучшить собственное экономическое положение²⁵. Он предполагает, что корпоративизация британской классовой структуры, произошедшая вскоре после упадка чартизма, связана с британским глобальным господством, «создавшим мощную „национальную“ структуру, которая в нормальные периоды незаметно смягчала социальные противоречия, а в моменты кризиса превозмогала их»²⁶. Поддерживая существование империализма, британский рабочий класс стал защитником и участником национального и «расового» угнетения.

IV.2. СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ: ПОСЕЛЕНЦЫ И БЕЛЫЙ РАБОЧИЙ КЛАСС

Пролетариат США как таковой сформировался в конце XIX в., когда американские сталелитейные заводы начали производить в два раза больше чугуна чем Англия, что позволило стране стать ведущим мировым промышленным производителем (сегодня Китай является крупнейшим в мире производителем стали, на долю которого в 2009 г. приходилось 47% мирового производства). Чтобы обеспечить такую производительность американскому империализму потребовалось ввезти около 15 млн трудовых-иммигрантов из Южной и Восточной Европы: поляков, итальянцев, словаков, сербов, венгров, финнов, евреев и русских²⁷.

Этот национально разнородный, бесправный и неквалифицированный пролетариат был вынужден выполнять самую изнурительную и низкооплачиваемую работу, связанную с ручным трудом, что способствовало

восходящей мобильности

«коренных» белых рабочих (в основном англосаксонского, немецкого и ирландского происхождения). Первоначально он подвергался очернению со стороны буржуазного истеблишмента, европейско-американской мелкой буржуазии и рабочей аристократии, организованной в рамках полностью расистской и социал-шовинистической Американской федерации труда (АФТ). Поначалу отказывая им в «белой» идентичности, капиталистический правящий класс, тем не менее, был встревожен распространением революционной социалистической идеологии среди этих иммигрантов. Чтобы бороться с этой тенденцией, представители правительства и корпораций вскоре начали создавать комитеты, подобные Межрасовому совету и Американской ассоциации газет на иностранных языках, чтобы «американизировать» эту низшую прослойку рабочего класса США, повышая перспективу ее интеграции в белое общество.

Наиболее значительной организацией, созданной новым промышленным рабочим классом в Соединенных Штатах, были Индустриальные рабочие мира (ИРМ). Будучи синдикалистским союзом, объединяющим работников всех профессий, уровней квалификации и национальностей, ИРМ считала, что рабочие могут обойтись без руководства социалистической партии и что капитализм может быть уничтожен серией все более возрастающих забастовок. Несмотря на то, что ИРМ выступала против национал-шовинизма и делала реверансы в сторону чернокожих, азиатских и мексиканских рабочих – крайняя нищета членов организации часто являлась причиной их естественного сочувствия – она решительно не желала бросать вызов основам политического устройства общества белых поселенцев своей поддержкой освободительной

борьбы внутренних колоний США. Действительно, синдикалистская точка зрения ИРМ предполагала непринципиальность национальности в классовой борьбе. Тем не менее, экономизм не только помешал ИРМ организовать хоть сколько-нибудь эффективное сопротивление Первой мировой войне, но и позволил без труда избежать разрыва с почти исключительно белым электоратом, с которым она старалась действовать сообща. Поскольку большая часть белого рабочего класса выступала за сегрегацию с позиции своего превосходства и являлась по сути рабочей аристократией, не склонной к воинственному юнионизму, революционный потенциал ИРМ был сильно притуплен. Как писал Сакай:

«ИРМ никогда не пыталась побудить большинство эксплуатируемых белых рабочих объединяться с национально-освободительными движениями. Вместо этого она утверждала, что „расовое“ единство в борьбе за повышение заработной платы – это все, что имеет значение. Этот подход и сегодня используется АФТ-КПП. Очевидно, что это такой способ создания профсоюза, при котором работники, сторонники превосходства белых, терпимы к колониальным рабочим. Но это был сугубо эгоистичный экономический интерес, скрытый за всеми синдикалистскими речами. ИРМ предостерегала белых рабочих: «оставив негра за пределами профсоюза мы сделаем его потенциальным, если не фактическим, штрейхбрехером, опасным для организованных рабочих ...». Эти слова свидетельствуют о том, что целью ИРМ был контроль над колониальным трудом в интересах белых рабочих, исходя из этого африканцы рассматривались как „опасные“, если их не контролировать»²⁸

Сегодня описанный выше вид корыстного оппортунизма широко распространен

среди западных «левых». Утверждение последних, что существует единый многонациональный и/или мульти-«расовый» рабочий класс, разделенный политическими махинациями и идеологической пропагандой буржуазии, ловко игнорирует вполне реальные противоречия внутри глобального рабочего класса. Как предполагает Сакай, это делается для того, чтобы обуздать и использовать недовольство и сопротивление угнетенных наций и колониальных меньшинств для целей социал-империализма. Рабочие национальных меньшинств поощряются к иммиграции в империалистические страны, потому что их собственные страны были разорены ими. Они на каждом шагу подвергаются расовой дискриминации, запугиванию, страдают от реальных актов насилия со стороны полиции и фашистов, их культуру систематически порочат в СМИ. Как правило они опережают среднего работника метрополии по уровню политического сознания. Предполагать, что борьба этих национальных меньшинств и колониальных рабочих является лишь дополнением той борьбы, которую ведет рабочий класс, в полной мере зависящий от самого империализма, который их угнетает – это пустая болтовня.

Динамический процесс обуржуазивания рабочего класса американского Юга после Реконструкции конца XIX в. также шел по пути исключительного превосходства белых. По мере того, как там развивались капиталистические производственные отношения, чернокожие большей частью оказывались в рамках издольщины и совместной аренды плантаций, растущая промышленность опиралась на дешевую рабочую силу разоренных белых мелких фермеров²⁹. Небольшое число межрасовых профсоюзов Юга, созданных впоследствии, столкнулись с законами Джима Кроу³⁰ и антипрофсоюзными государственными структурами, связанными с интересами коммерческого

сельскохозяйственного, горнодобывающего и железнодорожного бизнеса, в то время как откровенно расистские профсоюзы не смогли заручиться официальной поддержкой рынка труда «только для белых». Хотя (по большому счету в силу необходимости) такие профсоюзы, как Объединённые горнорабочие Америки из Бирмингема (Алабама) и Братства работников лесопромышленности из Луизианы и Миссисипы, были временами успешнее в организации многочисленных неквалифицированных белых и черных работников, но массовые забастовки и беспорядки расистского толка (вкуче с применением законов Джима Кроу), организованные белыми рабочими и их профсоюзами в текстильной, сталелитейной и резиновой промышленности Юга сыграли активную роль в недопущении чернокожих к формирующемуся рынку труда и фабрикам ³¹. В рез единственной организацией на Юге, способной и желающей создать “межрасовый” союз, их опора в белой рабочей аристократии обеспечивала либо аполитичный и экономистский, либо явно расистский и классово-коллорационистский подход к борьбе.

Вскоре превосходство, гарантированное массовым насилием и политической поддержкой систематического угнетения чернокожих, мексиканцев и азиатов, позволит осуществить мечты евро-американского пролетариата о типично американском образе жизни. Наличие в Соединенных Штатах огромного населения, подверженного сверхэксплуатации, позволило разрешить социальный кризис 1930-х гг. без фашизма, установившегося в малых или неколониальных капиталистических странах, таких как Италия, Германия, Испания, Финляндия и Румыния ³². В конце этого десятилетия, после серии ожесточенных забастовок, белый промышленный пролетариат добился огромного роста заработной платы и улучшения условий труда. Сакай пишет:

“Национальные меньшинства иммигрантов из Восточной и Южной Европы обеспечили себе “лучшую жизнь”, обещанную им американизацией. Они стали полноправными гражданами Американской Империи и вместе с остальным белым промышленным пролетариатом завоевали права и привилегии как внутри, так и за пределами заводов. В свою очередь, когда американский империализм начал борьбу за мировую гегемонию, он смог положиться на армию сплоченных граждан, служащих империализму дома и на поле боя. Чтобы обеспечить социальную стабильность, новые ... профсоюзы, входящие в Конгресс производственных профсоюзов (КПП) [спонсируемые демократическим правительством Франклина Рузвельта – З. К.], смягчили борьбу в промышленности и помогли упорядочить классовые отношения”³³ .

Волна забастовок в конце Второй мировой войны (последовавшая вслед за попытками правительства Трумэна перенести расходы бурно растущего и стимулирующего экономику военно-промышленного комплекса США на его работников посредством замораживания заработной платы, повышения налогообложения и инфляции) ненадолго поставила под угрозу эти “дисциплинированные” классовые отношения. Однако к началу 1950-х гг., несмотря на шквал забастовок во время и после Корейской войны, социальное сотрудничество (при посредничестве правительственных комиссий) между открыто консервативными профсоюзами и монопольными корпорациями обеспечило большую классовую гармонию, по мере того, как экономическое процветание массово охватило американских граждан. Те белые представители рабочего класса, которым не так повезло и которые остались во внутригородских районах, пытались сохранить свое привилегированное положение посредством обычного массового расистского насилия против

наплыва маргинализованной черной рабочей силы, в то время как средний класс англосаксонского и немецкого происхождения, живущий в пригороде, *“использовал ограничительные соглашения и другие средства для сдерживания потока других этнических групп в свои сообщества”*³⁴. И с тех пор, хотя неолиберализм несколько подорвал формальные политические аспекты империалистического социал-демократического договора, сверхвыплаты, обеспечиваемые беспрецедентным притоком сверхприбылей, сопровождавшим становление США в качестве ведущего мирового финансового и военного гегемона, помогали сводить на нет силу организованных рабочих.

В своей прекрасной книге *“Вынужденные реформаторы”* (Reluctant Reformers) – истории превосходства белых как ограничения американской демократии – профессор афро-американских и этнических исследований Роберт Л. Аллен (Robert L. Allen) пишет: *“История американского рабочего движения – это длинная и позорная история изоляции, дискриминации, откровенного предательства и открытого насилия, направленного против черных, мексиканских, китайских и других небелых рабочих”*³⁵. Даже те рабочие организации, которые пытались объединить весь рабочий класс США независимо от “расы”, делали это очень осторожно, с перерывами и на короткие периоды, прежде чем их базы поддержки полностью интегрировались в надстройку белого господства в рамках американского капитализма. Ограниченные попытки Национального рабочего союза и Рыцарей труда в годы после Гражданской войны, направленные на объединение пролетариата на межрасовой основе, были фатально скомпрометированы уклончивостью и враждебностью по отношению к вопросу социального и политического равенства для небелых рабочих и закончились распадом этих организаций и

слиянием их в 1890 г. с АФТ, отстаивающей интересы рабочей аристократии. Антирасистская деятельность ИРМ продолжалась всего лишь несколько лет между 1905 г. и началом Первой мировой войны. Частичные усилия “радикальных” союзов КПП в том же направлении в 1930-1940-х гг. совместно с коммунистами и иммигрантами второго поколения из Южной и Восточной Европы, игравшими ведущую роль в их формировании, закончились слиянием КПП с АФТ в 1955 г.

Развитие рабочего класса в США исторически было связано с сохранением привилегии белых на такие права, рабочие места, жилье, образование и уровень доходов, в которых чернокожим было отказано. Тогда как в 1930-х гг. и ранее это развитие было достигнуто за счет того, что белые рабочие открыто препятствовали чернокожим работать на фабриках, после Второй мировой войны посредством манипулирования пределами карьерного роста и преимуществами продолжительного трудового стажа белым была гарантирована работа “белых воротничков” и квалифицированный труд. В неолиберальную эпоху расовая сегрегация и дискриминация, продвигаемые американскими политиками, финансовыми учреждениями, местным и федеральным правительством, а также белыми работодателями и работниками, привели к проигрышу чернокожих в борьбе за рабочие места в условиях сокращения производственной базы страны ³⁶.

Хотя это и является обманчивым аргументом в пользу ведущей прогрессивной роли чернокожей мелкой буржуазии в бизнесе и профессиях, следующие наблюдения У. Э. Б. Дюбуа о белом труде являются совершенно точным описанием имманентной трудности привлечения его на сторону национального

освобождения:

“В то время как труд негров в Америке страдает от фундаментальной несправедливости капиталистической системы в целом, источником наибольших страданий для чернокожих рабочих являются не капиталисты, а их коллеги – белые рабочие. Это белый труд, который лишает негра его права голоса, лишает его образования, отказывает ему во вступлении в профсоюзы, изгоняет его из приличных домов и районов и подвергает его публичному унижению дискриминацией по цвету кожи...

Таким образом, в Америке мы видели дикую и безжалостную борьбу групп рабочих друг с другом с целью добраться до богатства по спинам чернокожих рабочих и иностранных иммигрантов. Ирландцы карабкались по неграм. Немцы лезли через негров и соперничали с ирландцами. Скандинавы сражались рядом с немцами, а итальянцы и «деревенщина» [восточноевропейцы. – З. К.] напирала толпой, оставляя негров внизу в полной беспомощности, скованных сначала рабством, затем лишением гражданских прав и всегда подверженных расовой дискриминации...

В этих условиях, что нам следует сказать о марксистской философии и ее отношении к американскому негру? Как мне кажется, мы можем утверждать, что марксистская философия это истинный диагноз ситуации в Европе середины XIX в., несмотря на некоторые ее логические трудности. Однако для США она должна быть модифицирована, особенно в том, что касается негров. Негры эксплуатируются до такой степени, которая ведет к крайней нужде, правонарушениям, преступности и нищете. И эта эксплуатация исходит не от черного капиталистического класса, а от белых капиталистов и в равной степени от белого пролетариата. Их единственная защита – такая собственная

организация, которая защитит от обеих сторон, и такая практико-экономическая проницательность, которая предотвратит внутри расовой группы любое крупное развитие капиталистической эксплуатации”³⁷ .

Дюбуа, возможно, не осознавал должным образом колеблющихся и склонных к компромиссу интересов черной мелкой буржуазии в поддержании системы империалистической сверхэксплуатации и национального угнетения ³⁸ , но он прекрасно понимал, что одного только экономического кризиса будет недостаточно, чтобы разорвать союз между монопольным капиталом и рабочей аристократией.

В США основным политическим проводником социал-империализма исторически была не социал-демократическая партия по европейскому образцу, а Демократическая партия, образованная после 1812 г., корнями уходящая к классовой борьбе рабовладельцев, а затем и плантаторов Юга. К примеру, социальный подъем ирландско-американского рабочего класса связан непосредственно с принятием белой колониальной идентичности ³⁹ . В поисках сторонников сохранения рабства на американской почве земельная и торговая элита предвоенного Юга во всеуслышание утверждала, что освобождение приведет массы низкооплачиваемых чернокожих рабочих на Север в качестве конкурентов белых рабочих, и что, следовательно, они должны поддержать партию, выступающую за сохранение рабства. Позитивно отреагировав на этот совет, ирландские и другие европейские рабочие установили прочные отношения между белым рабочим классом и Демократической партией. Эти отношения продолжают существовать и сегодня, несмотря на то, что в последние десятилетия они усложнились с обращением Демократической

партии к зажиточным городским чернокожим избирателям и поддержкой белыми рабочими явно популистского неолиберального бренда Республиканской партии.

Послужной список Демократической партии в контексте национального угнетения и империалистической эксплуатации, поддержанный большинством рабочего класса США показывает, чему они симпатизировали. В самих Штатах Демократическая партия поддерживала самые жестокие законы и обычаи, направленные против чернокожего населения. Демократы стояли за формированием Ку-Клукс-Клана после Гражданской войны 1861-1865 гг., отменившей рабство в США. Они терроризировали целые общины, состоящие из тысяч чернокожих, убивали многочисленных избранных политиков, выходцев из прогрессивного черного среднего класса, в процессе восстановления контроля над правительствами южных штатов в ходе Реконструкции; мешали исполнению обещания о перераспределении земель в период после Реконструкции и провели в жизнь законы Джима Кроу посредством террора Клана, чтобы сохранить чернокожих в положении сверхэксплуатируемой рабочей силы; выступали против принятия Конгрессом 13-й, 14-й и 15-й поправок к Конституции США, соответственно отменяющих рабство и дающих гражданство и право голоса всем рожденным в США чернокожим; решительно выступали против принятия Закона о гражданских правах 1866 г., Закона о реконструкции 1867 г., Закона о продлении полномочий Бюро по делам освобожденных негров 1866 г., Принудительного акта 1870 г., Закона о силе 1871 г., Закона о Ку-Клукс-Клане 1871 г., Законов о гражданских правах 1875, 1957, 1960 гг. и особенно против закона 1964 г., Законов об избирательных правах 1965 г., Закона о равноправии при трудоустройстве 1972 г. В 1900 г.

южные демократы поместили тысячи чернокожих (четверть из которых составляли дети в возрасте от шести до восемнадцати лет), признанных виновными в незначительных правонарушениях, в тюремные трудовые лагеря, где условия были аналогичны или хуже, чем при рабстве⁴⁰. Совсем недавно, при демократическом президенте Билле Клинтоне, в то время как население США выросло на 9%, число заключенных в тюрьмах США в период с 1993 по 2001 г. выросло на 700 000, увеличившись на 70%, большую часть из которых составляли чернокожие⁴¹.

За пределами США империалистическая политика Демократической партии была не менее резко выражена, чем политика соперничавшей с ней Республиканской партии. После Второй мировой войны Демократическая партия президента Трумэна, в целях укрепления контроля США над политикой Западной Германии и Латинской Америки вербовала нацистских преступников, среди которых были: глава разведки Гитлера в Восточной Европе Рейнхард Гелен, гауптштурмфюрер СС Клаус Барби, по прозвищу “Лионский мясник”, оберштурмбаннфюрер СС Отто Скорцени и ведущий агент нацистской разведки Барон Отто фон Большвинг. Также Демократическая партия оказывала как открытую, так и скрытую поддержку французскому колониальному милитаризму во Вьетнаме; тайно финансировал фашистов и бывших нацистских коллаборационистов для борьбы с левыми в Западной Европе⁴²; и вторглась в Грецию, чтобы сохранить нацистскую коллаборационистскую правящую элиту у власти перед лицом народного мятежа. Вмешательство правительства Трумэна в гражданскую войну в Корее, в результате которого была установлена жестокая военная диктатура на юге страны, направленная на подавление народных демократических устремлений и состоящая из землевладельческой

элиты, сотрудничавшей с японским империализмом во время Второй мировой войны, привело к гибели 3 млн человек⁴³.

В 1960-х гг. правительство президента-демократа Джона Ф. Кеннеди организовало вторжение на Кубу в Заливе Свиней. Оно также расширило участие США в войне во Вьетнаме, чтобы сохранить зависимый статус этой страны, и поддержало правую диктатуру во главе с Нго Динь Зьемом на юге страны после того, как власть французских захватчиков рухнула под давлением народа. Поскольку, как признали сами США, коммунисты одержали бы верх на свободных выборах, правительство Кеннеди начало бомбить Вьетнам, чтобы подавить там антиимпериалистическое движение.

После провала этой стратегии и убийства Кеннеди демократическая администрация Джонсона начала полномасштабное наземное вторжение на юг, построив массивные концентрационные лагеря ("стратегические деревни"), чтобы загнать туда вьетнамское крестьянство, начала осуществлять тактику выжженной земли и ковровые бомбардировки напалмом Северного Вьетнама и развернула массовый террор в виде изнасилований, пыток, расчленения, неизбирательных расстрелов и массового уничтожения деревень. При Джонсоне правительство США начало секретную войну, чтобы разгромить левых из Патет Лао в Лаосе и красных кхмеров в Камбодже. При этом Камбоджа стала страной, подвергшейся сильнейшим бомбардировкам в истории. На нее были сброшены 2,8 млн тонн бомб, что на 800 000 тонн больше, чем было сброшено всеми державами во время Второй мировой войны, включая атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. После того, как народное восстание в Доминиканской Республике пошатнуло администрацию поддерживаемого США диктатора

Рафаэля Трухильо, правительство Джонсона в защиту своего марионеточного режима санкционировало вторжение в страну⁴⁴. В 1964 г. администрация Джонсона помогла организовать военный переворот, направленный на свержение народного, ориентированного на национальное развитие правительства Бразилии, и поддержала еще один переворот против реформистского, участвующего в движении неприсоединения правительства Сукарно, первого президента Индонезии, в ходе которого был убит миллион человек, коммунистов и «подрывных элементов».

В 1965 г. король Греции Константин II принял помощь ЦРУ для отстранения от власти либерально-социалистического премьер-министра Георгиоса Папандреу. В 1967 г., когда греческое правительство было вынуждено провести выборы, агент ЦРУ и бывший нацистский коллаборационист полковник Георгиос Пападопулос предотвратил вероятное избрание Папандреу, совершив военный переворот.

С 1977 по 1981 г. при президенте-демократе Джимми Картере возросший поток оружия из США привел к убийству 200 000 человек в Восточном Тиморе, который был захвачен в 1975 г. индонезийской армией генерала Сухарто. Администрация Картера также оказывала финансовую, дипломатическую и военную поддержку жестокой компрадорской капиталистической диктатуре Фердинанда Маркоса на Филиппинах, иранскому шаху, Анастасио Сомосе и военизированным формированиям контрас в Никарагуа, а также многим другим от Восточной Африки до Латинской Америки.

В период 1993-2001 гг. администрация президента-демократа Билла Клинтона

вооружила правительство Колумбии, которое под предлогом борьбы с марксистским (но не правящего класса) “наркотерроризмом” совершило массовые нарушения прав человека в ходе войны против подверженного сверхэксплуатации крестьянства. США при Клинтоне разбомбили больше стран, чем при любом другом президенте в мирное время, обрушившись на Ирак, Югославию, Судан, Сомали и Афганистан. В полной мере осознавая реальные и потенциальные последствия, правительство Клинтона при поддержке Великобритании ввело санкции (описанные в письме протеста, которое подписали семьдесят членов Конгресса от республиканцев и демократов, как “детоубийство, маскирующееся под политику”), унесшие жизни более миллиона человек в Ираке (половина из которых были дети)⁴⁵. В 1999 г. в качестве ведущей силы НАТО США в течение семидесяти восьми дней сбросили 79 000 тонн бомб, 10 000 крылатых ракет, 35 000 кассетных бомб и тонны обедненного урана на Югославию и ее гражданскую инфраструктуру, вызвав гибель более 2000, ранение 4000 и внутреннее перемещение более миллиона человек. Цинично заявляя о своем желании прекратить “геноцид и этнические чистки” (но только со стороны сербов) в Югославии, правительство Клинтона финансировало турецкие репрессии, приведшие к убийству около 40 000 курдов⁴⁶.

В 2008 г., получив 45% голосов белых, 66% голосов латиноамериканцев и 96% голосов чернокожих (при беспрецедентной 65% явке негров, имевших права голоса по возрасту), президентом США впервые стал афроамериканец, демократ Барак Обама.

Хотя это, несомненно, было историческим достижением и переживалось как

момент большой гордости для многих чернокожих, не могло быть сомнений в том, что Барак Обама был столь же преданным империалистом, как его предшественники. Действительно, перед своим избранием Обама пообещал расширить агрессивную колониалистскую политику США на Пакистан и предложил превентивные военные действия совместно с Израилем, чтобы свести на нет возможность достижения Ираном ядерного военного потенциала. После избрания на пост президента Обама превратил свою воинственную риторику в реальность (или кошмар) для народов нескольких мусульманских стран Третьего мира, а именно Ирака, Афганистана, Пакистана, Сомали, Йемена, Ливии и Сирии. Согласно консервативному американскому журналу *Foreign Policy*, Обама “стал Джорджем Бушем на стероидах”, к примеру, приказав нанести 268 ударов беспилотниками, в результате которых погибли более 3000 человек (в том числе около 1000 гражданских лиц).

Между тем, «Черная Америка», и даже ее “левые” реформистские политические механизмы оказались абсолютно неспособны поставить под сомнение свою социал-шовинистическую приверженность президентству Обамы. Благодаря этому у правительства США были развязаны руки, чтобы начать агрессивную войну против суверенной африканской нации (Ливии), в которой оно вооружило, обучило и помогло организовать повстанческие силы, состоящие из исламских фундаменталистов, монархистов, агентуры разведывательных служб, компрадорских капиталистов и расистов, которые с тех пор публично линчевали сотни чернокожих африканцев, подвергнув этнической чистке обширные регионы страны. Кроме того, Обама начал опосредованное вторжение в Сомали в разгар самой сильной за последние 60 лет засухи, при этом сократив продовольственную помощь, тем самым обрекая десятки тысяч людей на

голодную смерть. Даже в самих США Обама публично отрицает влияние “расовой” принадлежности на непропорционально большое воздействие нынешней рецессии на чернокожих, выраженное в показателях занятости, здравоохранения и владения недвижимостью. Тем не менее, рейтинги одобрения Обамы среди чернокожих остаются между 80% и 90%.

Как отметил один из авторов журнала «Black Agenda Report» Глен Форд, “Обама, который присвоил себе право убивать назначенных им врагов по своему желанию получил от Черной Америки разрешение на преступления против мира и политическую безнаказанность, не заплатив внутривнутриполитической цены за свое варварство против самых беспомощных людей Африки, потому что «Черная Америка» не предъявила ему никаких претензий”⁴⁷. Как предполагает Форд, это не только симптом политической путаницы и заблуждения, но и свидетельство отсутствия боевого черного пролетариата, стремящегося положить конец эксплуатации посредством свержения капиталистического государства.

IV.3. ГЕРМАНИЯ: ОТ СОЦИАЛ-ИМПЕРИАЛИЗМА К (СОЦИАЛ-)ФАШИЗМУ

В середине XIX в. Германия по европейским меркам была сравнительно отсталой феодальной экономикой, так как не участвовала в завоевании Нового Света и последующей работоторговле, обеспечившей “первоначальное” накопление капитала.

Согласно Рубинсону (Rubinson), Германия смогла достичь статуса нации, относящейся к капиталистическому ядру, только потому, что географическая

экспансия капитализма между 1800 и 1870 гг. (с 1800 по 1830 г. общая международная торговля увеличилась на 30%, а с 1840 по 1870 г. – на 500%⁴⁸) открыла огромные возможности, особенно в Британской империи, для инвестиций в строительство железных дорог по всему миру и в товарное сельское хозяйство⁴⁹. Беспрецедентный рост промышленного производства Великобритании способствовал принятию ею политики *laissez faire* (невмешательства в экономику), что привело к неограниченному потоку технологий и квалифицированной рабочей силы в зарождающиеся промышленные отрасли Европы и Северной Америки. Между тем, переход к производству средств производства обеспечил относительное процветание немецкой (и итальянской) текстильной промышленности. Таким образом, вхождение Германии в ядро мировой капиталистической экономики в течение XIX в. напрямую связано с расширением колониализации периферии – Третьего мира.

“Увеличение размера периферийных областей системы позволяет расширяться областям ядра по двум основным причинам. Во-первых, усиление периферизации означает увеличение количества рабочей силы в системе, и это увеличение позволяет большему числу областей присваивать большую долю стоимости, производимой этой рабочей силой. Во-вторых, при таком увеличении, больше областей могут изменить свою позицию в системе разделения труда, выполняя функции, присущие ядру, и получая выгоду от неэквивалентного обмена между ядром и периферией”⁵⁰.

Промышленная революция в Германии, произошедшая между 1850 и 1873 гг.⁵¹, была инициирована “полуавторитарными” доиндустриальными элитами,

проводящими “оборонительную модернизацию”, частично с целью противодействия угрозе со стороны либеральных и социалистических движений, которые брали за образец Французскую революцию⁵². Из-за запоздалого начала индустриализации Германия только в 1880-х гг. смогла перейти от преимущественно аграрного общества к индустриальному, как с точки зрения состава национального продукта, так и структуры занятости. Мировой экономический кризис 1873 г. и последовавшая за ним депрессия длиной в четверть века (вызванная в значительной степени массовым колониальным и американским сельскохозяйственным перепроизводством) привели к образованию в Германии монопольных синдикатов и картелей для контроля над производством, раздела территориальных рынков и регулирования цен. Далее, необходимость расширения производства потребовала кредитов, которые могли предоставить только крупные банки⁵³, что привело к слиянию промышленного и банковского капитала Германии.

Немецкая юнкерская земельная аристократия и новые монополистические капиталисты считали увеличение военно-морских вооружений и милитаристскую колониальную внешнюю политику способом решения проблем нехватки сырья, низких тарифов на зерно, закрытых рынков и ухудшающихся условий для внутренних инвестиций. Юнкерская элита, которая отошла от прежней позиции зависимости от свободной торговли с Великобританией, была обеспокоена за свою политическую гегемонию, поскольку ее экономическое влияние падало⁵⁴. К 1894 г. между Великобританией и Германией возникли серьезные разногласия по поводу интересов в Северной Африке (Судане), португальских колониях и Трансваале, где немецкому капиталу принадлежало 20% всех иностранных инвестиций⁵⁵. По мере разрастания конфликтов по

поводу покровительственных пошлин между империалистическими державами немецкая промышленность стала выражать полную поддержку популистским группам, пропагандирующим колониализм, таким как Германская колониальная ассоциация (Deutscher Kolonialverein, 1882) и Германское общество для колонизации (Gesellschaft für Deutsche Kolonisation, 1884). Они были откровенно социал-империалистическими в духе Родса и настаивали на том, что *“колониальная экспансия за границу ослабит политико-экономическое давление среди рабочего класса страны”*⁵⁶.

За десятилетия, последовавшие за восшествием на престол кайзера Вильгельма II в 1890 г. Германия создала небольшой флот в Китайском море, искала угольную базу и гавани на китайском побережье; вмешивалась в политику Северной Африки и угрожала влиянию Великобритании в Турции, Латинской Америке, Китае и на Ближнем Востоке. Германия создала колониальную систему, состоящую из баз, заселенных немецкими поселенцами в Восточной Африке, Юго-Западной Африке, Камеруне, Новой Гвинее, Того, Карлайле, Палау, Марианских и Маршалловых островах, Самоа и Цзяо-Чжоу (Циндао). Накануне Первой мировой войны германская колониальная империя обладала территорией в 1 140 200 квадратных миль – площадью, примерно равной современной Индии (седьмая по величине страна в мире – 1 147 949 квадратных миль)⁵⁷. Эта колониальная экспансия стимулировала спрос немецкого капитала на поиск близлежащих богатых источников сырья и рынков: от металлов, выплавляемых в Восточной Франции, до зерна, выращенного в славянских степях. В основе Первой мировой войны лежали колониальные конфликты.

Цели Германии в Первой мировой войне были двоякими⁵⁸. Во-первых, она добивалась ликвидации Франции как великой военной, экономической и финансовой державы, надеясь таким образом создать “экономическую систему Срединной Европы [охватывающую Австро-Венгрию, отделенную от России Польшу и, возможно, другие соседние государства, включая Румынию – З. К.], в которой доминировали бы немецкие интересы”⁵⁹. Во-вторых, Германия стремилась “загнать Россию на восток” и военным путем подчинить себе нерусское западное население царской империи. Однако после поражения Германии немецкий капитализм мог быть восстановлен только по инструкциям американских финансистов, таких как Дж. П. Морган и Рокфеллер, которые в то время контролировали мировые биржи и глобальную торговлю⁶⁰. В то же время цель нацистской внешней политики по колонизации Восточной и Юго-Восточной Европы была предвосхищена и частично реализована стремлением Веймарского правительства⁶¹ к неформальной экономической гегемонии в регионе, который в дебатах 1914–1918 гг. о “целях войны” именовался Острихом (восточная часть великой Германской империи)⁶². Таким образом, политики и высокопоставленные дипломаты периода Веймарской республики задумывали и развивали торговую политику Германии в качестве средства для создания «проникающей системы» финансовых инвестиций “в слабые и восприимчивые экономики вновь освобожденных восточных государств”⁶³.

Однако вскоре мировой кризис капитализма 1929–1933 г. принес с собой массовую безработицу и призрак социализма, нависший над политическим пространством империалистических стран. Особенно сильно он затронул Германию, где в 1932 г. число голосовавших за коммунистов выросло до 6 млн (социал-демократы потеряли позиции, но все еще имели 8 млн избирателей).

Крупная и мелкая буржуазия Германии вскоре обратилась к фашизму – программе испуганной капиталистической элиты, которая не может править иначе, как на агрессивной антирабочей и воинственной империалистической основе. Это своего рода “укрепленная линия Зигфрида, за которой окапывается капитализм, когда экономические условия ведут к серьезной угрозе со стороны социализма, и из-за которой он, не колеблясь, атакует первым, предпринимая безжалостное наступление против своих противников”⁶⁴ .

Общеизвестно или должно быть общеизвестно, что немецкая крупная буржуазия способствовала приходу к власти нацистской партии⁶⁵ . 27 января 1932 г. стальной магнат Фриц Тиссен (убежденный сторонник национал-социалистического направления, который 1929 г. во время кампании гитлеровского Национального комитета против условий Плана Юнга начал делать большие взносы в фонды НСДАП⁶⁶) организовал для Гитлера выступление перед промышленным клубом Дюссельдорфа в первом классе Парк-Отеле. Эта встреча принесла НСДАП возросшую поддержку со стороны промышленников, таких как Фёглер (Vögler) из Vereinigte Stahlwerke и Спрингорума (Springorum) из Hoesch-Aktiengesellschaft, которые хотели к лету 1932 г. включить НСДАП в правительство⁶⁷ . И Тиссен, и богатый банкир – при этом убежденный нацист – Ялмар Шахт хотели, чтобы Гитлер стал следующим немецким канцлером⁶⁸ . Весной 1932 г. инженер-химик и исполнительный директор корпорации Вильгельм Кепплер сформировал круг видных нацистов и промышленников, чтобы наполнить содержанием обещание нацистской партии выполнить и защитить “пожелания и интересы крупных промышленников”⁶⁹ . В ноябре того же года немецкие промышленники рекомендовали нацистскую программу президенту Гинденбургу в письме, подписанном такими светилами

предпринимательства, как Куно, Шакт, Фёглер, Тиссен, Крупп, Сименс, Спрингорум и Бош ⁷⁰ .

Чтобы выбраться из мировой депрессии и сохранить позиции своих капиталистических элит, Германия была вынуждена захватить колониальные территории, которые могли бы обеспечить ее продовольствием и землями ⁷¹ в отсутствие экспортных рынков и доходов от них ⁷² . Нацистское государство дало временный толчок немецкой промышленности, начав масштабную программу перевооружения и общественных работ, оплаченных выпущенными министром финансов Шахтом векселями «МЕФО» в 1938 г. позволившими государственному долгу вырасти до 10% национального дохода ⁷³ . Однако нацистская военная экономика (производство оружия в 1938 г. составляло 38% от немецкого ВВП) и вызванное ей ограничение предложения потребительских товаров привели к внутренней инфляции и изменению курса рейхсмарки как относительно фунта стерлингов, так и доллара, что сделало для Германии дорогостоящим импорт зерна. У нацистского правительства было два возможных способа предотвратить такое же восстание внутри страны, какое произошло во время и после Первой мировой войны: отказаться от уплаты внешних долгов или начать подготовку к войне. Если бы режим объявил дефолт по внешним долгам, чтобы увеличить свои валютные накопления, это оттолкнуло бы главного торгового партнера и кредитора Германии – США ⁷⁴ . С другой стороны, если бы Германия могла одержать быструю и решительную победу над СССР, ресурсы советского потребления могли бы быть перенаправлены для обеспечения немецкого населения средствами к существованию и сохранения прибыльности немецкой промышленности.

Таким образом, планировалось физическое уничтожение десятков, если не сотен, миллионов “недочеловеков” (Untermensch), славян, евреев и коммунистов. Нацистская политика заключалась в том, чтобы уморить голодом большую часть чешского, польского и украинского населения, захватив урожай и не допустив бегство из городов. Нацистское правительство стремилось разрешить противоречия капиталистической экономики Германии (между производством и потреблением, прибылью и заработной платой, капиталом и трудом) в соответствии с планом поселенческо-колониального завоевания, основанным на видении того, как ковалась американская империя, американская мечта Гитлера ⁷⁵ .

В “Mein Kampf” Гитлер описал, как Германия и Англия должны были разделить мир между собой: Германия должна была продвигаться на Восток тем же способом, как Англия уже расширилась на Запад в Америке и на Юг в Индии и Африке. Как он выразился: “Наша Индия – это русское пространство, и как англичане правят с минимумом сил, так и мы будем управлять своим колониальным пространством...”. Гитлер всегда настаивал на том, что в России Германия должна следовать примеру британского правления в Индии ⁷⁶ . В 1941-42 гг. во время первого периода войны на Восточном фронте в своих “застольных беседах” с Мартином Борманом (главой канцелярии НСДАП и личным секретарем фюрера) Гитлер часто упоминал о будущем Восточной Европы как “империи для немцев, сопоставимой с тем, чем были Азия, Африка и Дикий Запад для Британии, Франции и США” ⁷⁷ . Тогда Германия не только использовала бы передовые американские производственные технологии для удовлетворения потребительского спроса, но и заполучила бы жизненное пространство, обеспеченное завоеванием Восточной Европы и СССР и

уничтожением их коренных жителей голодом и силой оружия. Таким образом, были бы созданы экономические условия для процветания “демократии” белых/“арийцев” – собственников.

Особенностью нацистского режима было то, что буржуазные элиты Германии сохраняли свои прежние социальные позиции путем интеграции в иерархически организованную и всемогущую партийную структуру, где каждая фракция могла создать основу для своей власти путем занятия важных постов в государственных институтах и путем установления неформальных связей с нацистскими политиками ⁷⁸. Последние, в свою очередь, использовали свою политическую власть для накопления огромного личного богатства. Третий Рейх был капиталистическим государством с необычайно сильными связями между крупной буржуазией и теми, кто занимал политические должности.

Итальянский фашистский лидер Бенито Муссолини по этому поводу отмечал, что *“фашизм следует более правильно называть корпоративизмом, потому что это слияние государственной и корпоративной власти”*.

Немецкий рабочий класс в целом отреагировал на подъем империализма с энтузиазмом. В кайзеровской Германии недовольство все более мощного немецкого рабочего движения было смягчено уступками в заработной плате и социальном обеспечении, налоговыми реформами и юридической и политической неприкосновенности избирательного права и массового общества в целом. В период с 1871 по 1914 г. экономический рост Германии продолжался по восходящей траектории, причем промежуточные спады не меняли этой тенденции и представляли собой то, что немецкий профессор истории Фолькер Бергхан (Volker Berghahn) назвал периодами “замедленного роста” ⁷⁹. В течение

этого периода в Германии произошел демографический взрыв, который был поглощен растущим рынком труда, да еще и при некотором улучшении уровня жизни большинства. Тем не менее, разница в доходах в имперской Германии была очень заметной, значительная часть роста заработной платы приходилась на квалифицированный рабочий класс, рабочую аристократию, которая составляла основную базу поддержки социал-демократической партии (Sozialdemokratische Partei Deutschlands, SPD)⁸⁰. Однако следует учитывать, что помимо неравномерного распределения заработной платы в Германии существовала система социального страхования, созданная Бисмарком, которая значительно улучшала материальное и правовое положение всего немецкого рабочего класса⁸¹. Система социального страхования Германии вводилась в три этапа: в 1883 г. было введено медицинское страхование, затем в 1884 г. страхование от несчастных случаев и в 1889 г. страхование по старости и инвалидности. Каждый новый закон охватывал все более широкие слои рабочего класса. В этот же период Рейх ввел пенсии, национальное медицинское обеспечение и всеобщее право на образование. Государственное страхование больных или нетрудоспособных работников сопровождалось попытками жестко контролировать и подавлять коммунистическую агитацию⁸². Кроме того, за десятилетие до 1914 г. два из трех трудовых конфликтов в Германии заканчивались компромиссом, отражающим неохотное признание работодателями профсоюзного движения и его силу. Такие компании, как Bosch, убедились в том, что официальное признание профсоюзов является наилучшим средством обеспечения непрерывности производства, повышения производительности труда и, более того, предотвращения значительного повышения заработной платы, вызванного слишком мощной профсоюзной организацией. Благодаря реформизму, расширению профсоюзного движения и

сохранению мелкобуржуазных ремесленнических традиций СДПГ быстро встроилась в существующий в Германии общественный порядок. Как отмечает британский экономист и историк Роджер Флетчер (Roger Fletcher): “После 1890 г. условия, казалось, улучшились, вселяя некоторую надежду на мирную и постепенную интеграцию рабочего класса в политическую нацию. Во всяком случае, постепенная бюрократизация рабочего движения, рост рабочей аристократии и повышение благосостояния рабочего класса делали революционные потрясения все менее вероятными”⁸³.

Хотя в период до Первой мировой войны германский рабочий класс был настроен против колониализма и не был союзником ни консервативного юнкерства, ни “либерального” капиталистического класса, он уже тогда имел тенденцию соглашаться с программой нового государства⁸⁴, особенно в период после 1890 г., когда антисоциалистические законы Бисмарка были отменены и наступил период большого экономического процветания. Таким образом, жизнеспособность *“авторитарных и антидемократических структур в государстве и обществе явилась результатом не столько слепого преклонения перед имперским мифом, сколько тем, что рабочие усматривали веские причины связывать шансы на реформу с судьбой империи”*⁸⁵. На протяжении всего периода Второго Рейха “ревизионистское” (антикоммунистическое) крыло СДПГ выступало с громкими призывами в поддержку интеграции все более воинственного немецкого рабочего класса в политическую жизнь государства посредством империализма⁸⁶. Сотрудники журнала Sozialistische Monatshefte (Социалистический Ежемесячник выпускался раз в одну или две недели, под редакцией Йозефа Блоха (Joseph Bloch) и был самым видным ревизионистским журналом в стране) – такие, как империалисты и милитаристы Макс Шиппель

(Max Schippel), Карл Лейтнер (Karl Leuthner), Ричард Калвер (Richard Calwer) и Герхардт Хильдебрандт (Gerhardt Hildebrandt) – объединились вокруг принципа классовой заинтересованности германского пролетариата в колониальной экспансии и расширении жизненного пространства (Lebensraum)⁸⁷. Как писал в 1909 г. видный политик СДПГ Эдуард Давид (Eduard David): “Ревизионистская” тенденция не является незначительным явлением в партии, и если создается впечатление, что все или пусть даже просто многие “ревизионисты” разделяют эти [социал-империалистические] взгляды, то последние приобретают значение, выходящее за рамки эксцентричности отдельных лиц”⁸⁸. Так, на Штутгартском Конгрессе 1907 г., который проходил спустя всего три года после массового убийства Германией 60-80 тысяч человек из племени Гереро (Юго-Западная Африка, территория современной Намибии⁸⁹), Эдуард Бернштейн с одобрением процитировал Фердинанда Ласалля, основателя Всеобщего германского рабочего союза, предшественника СДПГ: *“Люди, которые не развиваются, могут быть справедливо подчинены людьми, достигшими цивилизации [sic]”*.

В ноябре 1918 г. СДПГ пришла к власти посредством поддержанного союзными державами альянса между рабочей аристократией (которую она представляла), германским монополистическим капиталом и рейхсвером (германской армией)⁹⁰. В июне того же года Давид заявил в «Vorwärts» (газете СДПГ), что *“у нас не было бы возражений ... если бы наши колониальные владения были расширены путем компенсации и соглашения”* в соответствии с условиями мирного договора⁹¹. СДПГ пыталась убедить немецких рабочих в том, что колонии станут национализированной собственностью социал-демократической республики и обеспечат всем немецким гражданам “рост производства и

богатства”, полную занятость и “человеческое счастье”. На конференции Социалистического интернационала, состоявшейся в Берне в феврале 1919 г., СДПГ открыто протестовала против того, что Версальский договор лишил Германию ее колоний, и призвала к их возвращению ⁹² .

Несмотря на различия в идеологических и риторических акцентах между “умеренным” большинством и открыто колониалистским правым крылом СДПГ (в него входили Густав Носке (Gustav Noske), Людвиг Квессель (Ludwig Quessel), Макс Коэн (Max Cohen), Герман Кранольд (Hermann Kranold), Макс Шиппель (Max Schippel), Пауль Лёбе (Paul Lobe), Пауль Кампфмайер (Paul Kampfmeier) и другие из вышеупомянутого журнала Sozialistische Monatshefte), первые предпочли призвать к передаче мандатов для немецких колоний Лигой наций ⁹³ . 8 мая 1925 г. СДПГ участвовала в формировании колонизаторского лобби в рейхстаге вместе с депутатами от Партии католического Центра (Deutsche Zentrumspartei), Немецкой демократической партией (Deutsche Demokratische Partei, DDP) и Немецкой народной партии (Deutsche Volkspartei, DVP), лидер которой министр иностранных дел Густав фон Штреземан (Gustav von Stresemann) воскресил лозунг колониального чиновника Первой мировой войны Ганса Гримма (“немецкий Киплинг”) “Volk ohne Raum” (“народ без пространства”) для дальнейшей популяризации колониальной политики. В 1928 г. на Марсельской конференции представитель СДПГ и министр финансов Рудольф Гильфердинг вновь потребовал колонии для Германии ⁹⁴ .

Нельзя всерьез утверждать, что реформистско-империалистическая линия, выдвинутая СДПГ, не шла так или иначе навстречу чаяниям своих избирателей:

“К 1914 г. усердные и способные партийные деятели, такие как Фридрих Эберт и Густав Носке, стали законными представителями всей партии, потому что они вышли из народа, поддерживали тесный контакт с низовыми группами и инстинктивно разделяли их устои и взгляды. В значительной степени верно то, что “реформизм, “постепенство” и “неполитическое” профсоюзное движение были ... результатом необходимости “эффективного решения проблемы социальных и промышленных условий”, с которыми сталкивались простые немецкие рабочие в эпоху исключительно быстрой экономической модернизации”⁹⁵.

Несмотря на то, что среди историков Веймарской республики почти что символом веры является тот факт, что позиция Коммунистической партии Германии (Kommunistische Partei Deutschlands, KPD) о том, что социал-демократия проложила путь фашизму, была неверной и привела к трагически ошибочной политической стратегии, ярлык “социал-фашист” (социалистический на словах, фашистский на деле) имел в то время вполне реальную основу. СДПГ последовательно предпочитала монополистический капитализм и реакционный прусский аристократический милитаризм единству с коммунистическими представителями рабочего класса. Хотя историк Артур Розенберг (Arthur Rosenberg)⁹⁶, бывший в свое время членом Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ)⁹⁷ и Коммунистической партии Германии (КПГ), обвинял последних в том, что они ничего не предлагали все еще работавшим трудящимся Веймарской Германии эпохи Великой Депрессии, тем не менее, он признает, что социал-демократический немецкий рабочий класс “отказался рассматривать” возможность революции и не хотел иметь ничего общего с коммунизмом. Это противоречие указывает на значительный

стратегический, а не только тактический разрыв между двумя немецкими рабочими партиями в этот критический период. Возможно, он мог бы быть преодолен, имея КПГ более четкую, всеобъемлющую и реалистичную политику, однако это представляется сомнительным, учитывая прокапиталистическую тенденцию в рядах организованной немецкой рабочей силы. Тот факт, что СДПГ выступала против экспроприации правящего капиталистического класса и отстранения от власти его основных политических сил (бывшей аристократии, земельной олигархии и чиновников прежнего режима, составлявших имперскую армию в качестве де-факто исполнительной власти в Рейхстаге, состоящем в основном из буржуазных депутатов), свидетельствует о том серьезном затруднении, с которым столкнулись революционные силы, в отличие от контрреволюции. Этот факт, конечно, не освобождает КПГ от того, что Розенберг назвал утопизмом, ультралевым позерством и распространенной люмпенской наивностью. Тем не менее, он дает альтернативное объяснение неспособности социалистических сил Германии противостоять приходу к власти фашистов. Если сказать кратко, эта неудача была вызвана главным образом не проблемной или сектантской тактикой КПГ, а скорее отсутствием материальной базы для успешной антифашистской политики – т. е. ужасно эксплуатируемого и угнетенного рабочего класса. Как писал Розенберг о СДПГ: “Партия, которая не могла разорвать свою связь с конституционным государством, вряд ли могла выступать лидером нового революционного движения”⁹⁸. В 1933 г. немецкий народ привел нацизм к власти путем свободного голосования⁹⁹.

Поддержка немецким рабочим классом все более фашистского империализма имела реальную материальную основу. Американский историк и профессор права Давид Абрахам (David Abraham) показал, как организованный труд принес

существенные материальные выгоды (в реальной заработной плате и продолжительности рабочего дня), политические выгоды (представительство в органах власти) и законодательные завоевания (расширение прав профсоюзов, юридически обязательные коллективные договоры о заработной плате и систему принудительного арбитража) в Веймарский период¹⁰⁰. Это стало возможным потому, что сверхприбыли, накопленные капиталистами динамично развивающихся и экспортных отраслей (главным образом в химической и электротехнической промышленности), позволили ввести социальное налогообложение и поднять заработную плату на основе относительно открытой рыночной экономики, подстегиваемой империалистическими займами¹⁰¹. Поскольку эти фракции немецкого монополистического капитала получали сверхприбыли за счет международной торговли, в которой они были конкурентоспособны и имели высокое органическое строение капитала (т. е. низкие затраты на рабочую силу), они могли позволить себе союз с Всеобщим объединением немецких профсоюзов (Allgemeiner Deutscher Gewerkschaftsbund, объединение свободных профсоюзов Германии, связанных с СДПГ) и СДПГ, тем самым проводя социальную политику (Sozialpolitik), которая улучшила жизнь большинства, если не всех, немецких рабочих.

Однако к 1931 г., по мере того как мировой рынок агонизировал, динамичные и экспортные отрасли Германии¹⁰² становились все более зависимыми от внутреннего рынка в плане получения прибылей, капитал в них все больше стремился обратить вспять все завоевания организованной рабочей силы. Тяжелая промышленность, которая всегда жестко выступала как против них, так и против выплаты репараций, требовала тарифов, которые означали бы ограничение международных рынков для продукции динамичных и экспортных

отраслей Германии. К июлю 1932 г., нацистская партия была единственной политической силой, которая могла “обеспечить массовую базу, предлагая программу, приемлемую для обеих фракций промышленности”¹⁰³. Таким образом, несмотря на то, что динамичная и экспортная фракции немецкой монополистической промышленности были настроены против фиксированных цен и квот для картелей в чугуноплавильной и сталелитейной отраслях тяжелой промышленности, что значительно повышало их собственные производственные издержки, Великая депрессия 1929–1933 гг. привела к тому, что капиталистическая промышленность в Германии политически объединилась, чтобы преодолеть экономические и политические вызовы Sozialpolitik (социальной политики). В конечном счете, крупная буржуазия, была готова пойти на упразднение представительной демократии для сохранения своих позиций и заключила сделку с мелкобуржуазной НСДАП, чтобы обеспечить массовую базу для империалистического решения кризиса¹⁰⁴.

Нацизм возник как радикальная реакция мелких собственников, крестьян, лавочников, белых воротничков и квалифицированных рабочих, т. е. мелкой буржуазии, на политико-экономический кризис, реакция, которая была направлена против роста промышленного капитализма, политически организованного для удовлетворения краткосрочных экономических интересов рабочего класса. По мнению венгерского ученого Михайя Вайды (Mihály Vajda), *“массовый эффект фашизма был обусловлен именно тем, что он обеспечил консервативное восстание идеологией и, что не менее важно, организационной структурой”*, а также иллюзорной возможностью *“бесклассового общества на основе и в рамках существующего классового общества”*¹⁰⁵.

Короче говоря, традиционные классовые отношения должны были поддерживаться путем полного и жесткого подавления тех прогрессивных социальных сил, которые угрожали ускорить переход к новому (социалистическому) типу общества. Обобщая выводы Ларсена и др., профессор современной истории Джефф Элей (Geoff Eley) подтверждает, что социальный состав фашистского движения был непропорционально мелкобуржуазным (в нем преобладали мелкие собственники и производители вместе с новыми слоями наемных работников, в том числе госслужащие низших рангов, младший управленческий и технический персонал, учителя, канцелярские работники и др.)¹⁰⁶. Несмотря на это, фашистские организации получили значительную поддержку рабочего класса.

Немецкое рабочее движение выступало против НСДАП с момента ее создания, даже Берлин на нацистском жаргоне назывался Rote Festung (Красная крепость). И хотя нацистская партия была непримиримо враждебна коммунизму, она нарочито отстаивала интересы рабочего класса. Таким образом, НСДАП, пропагандируя идеалы полной занятости, системы социального обеспечения, пенсий, социального страхования, распределения прибыли и в целом государства всеобщего благосостояния, успешно выставляла себя в качестве золотой середины между капиталистической политикой *laissez faire* (невмешательства в экономику) и диктатурой пролетариата. Более того, нацисты прагматично переняли революционную риторику левых, чтобы убедить рабочих в своей антикапиталистической позиции. Короче говоря, нацисты яростно выступали против пролетарской классовой борьбы, но не против улучшения жизни рабочих в рамках империалистической системы.

Хотя рабочих в НСДАП было относительно мало, в 1933 г. их насчитывалось 750 000 человек, в первые годы Второй мировой войны по мере того, как сочетание национализма и обуржуазивания еще более усилилось, их число возросло ¹⁰⁷. По словам Мейсона (Mason), основная поддержка нацистов со стороны рабочего класса – 40% голосов нацисты получили от рабочих, и каждый четвертый рабочий голосовал за Гитлера в июне 1932 г. – исходила от молодого городского люмпен-пролетариата, государственных служащих (особенно в почтовой, железнодорожной и городской сферах услуг) и представителей малого бизнеса провинциальной Германии ¹⁰⁸. Число рабочих, голосовавших 1932 г. за НСДАП на первых выборах в Рейхстаг, было больше, чем число рабочих, голосовавших за СДПГ и КПГ взятых по отдельности (хотя и не больше, чем число голосовавших за СДПГ и КПГ взятых вместе). Около 55% мужчин из СА (Sturmabteilung, или штурмовики, мелкобуржуазно-социалистическое военизированное крыло НСДАП) имели рабочее происхождение. Тем не менее, почти половина представителей рабочего класса, вступивших в ряды НСДАП в период с 1925 по 1932 г. были выходцами из деревень с населением менее 5000 человек, аналогично и в рядах СА было относительно мало представителей рабочего класса из больших городов. Профессор современной истории Дик Гири (Dick Geary) делает следующий вывод:

“Количество представителей рабочего класса среди тех, кто голосовал за Гитлера, будет позитивно коррелировать с долей рабочего класса в электорате в целом, только если к рабочему классу отнести мастеров, прислугу, работников домашней промышленности и, что немаловажно, сельскохозяйственных работников. Когда сельских рабочих (которые жили в мире, совершенно отличном от мира городского жителя и фабричного работника, зачастую

испытывая давление арендодателя или получая плату натурой) исключают из уравнения, возникает небольшая отрицательная корреляция между поддержкой нацистов и явкой среди рабочего класса. И если исключить из уравнения работников ремесленных (в отличие от фабричных) отраслей, то корреляция становится еще более отрицательной. Подобная ситуация характерна для крупных городов: чем точнее мы определяем фабричный рабочий класс, тем ниже его процент поддержки НСДАП”¹⁰⁹.

Только 13% безработных (которые составляли в середине 1932 г. около 30% рабочих в области физического труда и были в подавляющем большинстве сосредоточены в больших городах и в крупном производстве) поддерживали национал-социалистов по сравнению с 29% безработных, которые голосовали за КПГ. Хотя некоторые бывшие избиратели СДПГ, 83% которых являлись представителями рабочего класса, перешли к нацистам (от КПГ таких было немного), но местные исследования голосования рабочих показывают, что большинство бывших избирателей СДПГ отдали свой голос в пользу коммунистов, а не нацистов.

Несмотря на это, “с 1925 по 1933 г. немецкий труд был столпом нацистской партии”¹¹⁰. Американский профессор социологии, политологии и истории Уильям Бруштейн (William Brustein), чье применение социологической теории рационального выбора к изучению итальянского и немецкого фашизма позволило вскрыть роль экономической мотивации в подъеме этих движений, подтверждает сильную корреляцию между социальными устремлениями рабочих и тенденцией к вступлению в нацистскую партию. Так, в партию вступило пропорционально больше квалифицированных рабочих (синие и белые

воротнички), чем полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих¹¹¹. Нацистская партия пол стороны немецкого рабочего класса, который составлял около 40% вступающих в партию за каждый год с 1925 по 1932 г.¹¹². Бруштейн выделяет пять причин такой поддержки. Во-первых, нацистская партия была рьяно националистической, особенно по сравнению с СДПГ и КПГ. Многие рабочие рассматривали нацистов как бескомпромиссных борцов за интересы немецкого рабочего класса, ставящих их выше интересов рабочих классов других национальностей¹¹³. Во-вторых, поддержка нацистами покровительственных тарифов, расширение внутренних рынков и создание континентальной экономической зоны в Юго-Восточной Европе “были тесно связаны с экономическим интересам рабочих в импортоориентированном промышленном секторе”¹¹⁴. Таким образом, уровень поддержки нацистской партии был самым высоким среди работников промышленных отраслей, производящих в основном для внутреннего рынка (пищевая промышленность, строительство, горное дело, швейная промышленность и деревообработка), и ниже среди работников отраслей, производящих главным образом для экспортного рынка (химикаты, электротехника, машиностроение и текстильная промышленность)¹¹⁵. В-третьих, нацистская партия успешно позиционировала себя как убежденного сторонника создания рабочих мест и государственного стимулирования экономики. Так, промышленные отрасли, в которых нацистская партия обещала создание рабочих мест (например, в строительной и деревообрабатывающей промышленности, важных для нацистской программы строительства государственного жилья, автомобильных дорог, плотин и проектов строительства каналов), имели высокую долю рабочих, вступающих в партию¹¹⁶. В-четвертых, те немецкие рабочие, которые не были организованы в профсоюзы или были недовольны профсоюзами, считали нацистскую партию

привлекательной альтернативой традиционным рабочим организациям. Таким образом, нацизм был привлекателен для рабочих, которые голосовали за национал-либералов при Рейхе и за Немецкую народную партию в первые годы Веймара и традиционно относились с антипатией к социалистической политике¹¹⁷. К этим рабочим относились работники Круппа в Эссене, которые жили в домах компании и пользовались покровительством работодателя, а также рабочие, набранные на Штальхельмских биржах труда в Руре, текстильщики из Франконии и желтые профсоюзы, состоящие из работников с антисоциалистическими убеждениями. Как правило, в промышленных отраслях, в которых не было профсоюзного движения, таких как швейная, кожевенная, пищевая, деревообрабатывающая промышленность и производство музыкальных инструментов, особенно в тех из них, где было небольшое число работников по отношению к предпринимателям, доля членов нацистской партии среди рабочих была выше, чем в отраслях с развитым профсоюзным движением, таких как горнодобывающая промышленность, металлургия, коммунальные услуги, резиновая и химическая промышленность¹¹⁸. В-пятых, и это самое главное, те рабочие, которые стремились иметь дома, получать постоянный оклад или открыть свое дело, т. е. те, которые были убеждены в пользе частной собственности и в мотивации к получению прибыли, поддерживали нацистскую партию, потому что они воспринимали ее как партию рабочего класса, выступающую за повышение социальной мобильности. Нацистская партия стремилась к достижению социального равенства, открыто выступая за ликвидацию пролетариата путем обуржуазивания¹¹⁹.

После десяти лет правления нацистов, несмотря на рост производительности и прибыли, реальная почасовая заработная плата (с поправкой на инфляцию)

увеличилась менее чем на 1%, а продолжительность рабочего времени в среднем на 10% превысила уровень 1929 г.¹²⁰. Учитывая относительную долю труда в национальном доходе, покупательную способность заработной платы и интенсивность труда, реальный доход большинства немецких рабочих несколько снизился в период с 1929 по 1938 г. (хотя в период с 1933 по 1937 г. он значительно увеличился по сравнению с последними четырьмя годами Веймарского периода с 1929 по 1933 гг.)¹²¹. В то же время еженедельные доходы рабочей аристократии «арийской» рабочей силы Третьего Рейха (нееврейские немецкие рабочие в ключевых отраслях промышленности, таких как строительство и стройматериалы, оптические и точные механические инструменты, некоторые виды машиностроения, а также возрастающее число служащих) увеличились на 30%¹²². Совершив полное уничтожение и террор в отношении независимых политических органов (КПГ, СДПГ и АДГБ) и тем самым гарантировав неприкосновенность основных имущественных отношений капитализма, нацисты тем не менее пошли на определенные политические, экономические и культурные уступки рабочему классу, которые не остались незамеченными или недооцененными его значительной частью:

«В последние годы Третьего Рейха рабочие имели более тесную связь с остальным немецким обществом, чем на заключительных этапах существования Империи или Веймарской республики. Объяснить этот феномен можно сочетанием национализма и обуржуазивания, которые являются высокоэффективными средствами поощрения социальной интеграции... Нацистский национализм, сосредоточив внимание на «бывшем рабочем» Гитлере, превратил самого скромного немца в члена европейской «расы господ»; обуржуазивание означало, что, приобретая радиоприемники,

театральные билеты отпуска по программе «Сила через радость» и рассчитывая на народные автомобили, которые в итоге так и не были предоставлены, рабочие могли сбросить свою пролетарскую кожу”¹²³ .

И в самом деле, проявления недовольства рабочего класса при нацистском режиме (например, обычные жалобы и споры на фабриках), больше свидетельствовали о стремлении к более высокой заработной плате, чем о политизированном классовом недовольстве нацизмом. Немногочисленные забастовки, в Третьем Рейхе происходили после 1935 г., после возвращения к работе большого числа безработных и были во многом инициированы высококвалифицированными и хорошо оплачиваемыми рабочими, добивавшимися более высокой заработной платы¹²⁴ . Нацистские власти в период между 1933 и 1939 гг. периодически сообщали о поддержке режима большинством трудящихся, приписываемой возобновлению занятости, идеологической пропаганде труда и материальной помощи, предоставляемой им учреждениями социального обеспечения, такими как «Зимняя помощь» (Winterhilfswerk, WHW) и «Национал-социалистическая народная благотворительность» (NSVolkswohlfahrt, NSV). Отсутствие марксистского руководства, повышение экономической стабильности и поддержка лично Адольфа Гитлера как лидера гарантировали, что связь между рабочими и нацистской системой будет крепкой, когда война станет реальностью¹²⁵ . В конечном счете, нацистская экономическая политика, представлявшая собой форму авторитарного социал-империализма, внесла некоторые улучшения в жизнь многих немецких рабочих взамен внушив им самодовольную готовность к войне и паразитизму, обрекающего другие народы на геноцид.

Немецкий историк Гёц Али (Götz Aly) утверждает, что нацистский режим в Германии сохранил власть во время Второй мировой войны и сумел добиться некоторого стабильного консенсуса вокруг нее, будучи “диктатурой на службе народа”¹²⁶. Экономика при нацизме гарантировала своим лидерам из крупной буржуазии иногда пассивную, но зачастую восторженную поддержку немцами их империалистического проекта. Все меры гитлеровского режима по социальному обеспечению были направлены на подкуп немецкого народа. Али утверждает, что в 1941-1944 гг. они финансировались главным образом за счет доходов, полученных нацистским режимом от завоевания, разграбления и сверхэксплуатации рабочей силы и ресурсов оккупированных Центральной и Восточной Европы, а также Советского Союза. Незыблемый союз между нацистским государством и немецким народом был в первую очередь не результатом продуманной партийной пропаганды, а был создан посредством грабежа и перераспределения добычи на основе уравнилельных принципов среди членов этнически определенного народа¹²⁷. Постоянная нацистская риторика о необходимости пространства и колоний, укрепления глобального положения Германии и расширения на Восток, а также “де-евреизации”, выражала стремление к ускорению роста немецкого уровня жизни, чего невозможно было достичь только силами отечественной экономики¹²⁸.

Если в Веймарской республике оплачиваемый отпуск для рабочих вырос с 3 до 8 дней, то в Третьем Рейхе он удвоился. С 1932 по 1938 г. объем туристического потока также удвоился. В 1938 г. 10 млн немцев приняли участие в туристических поездках всех типов, организованных объединением “Сила через радость” (Kraft durch Freude). Нацистская экономическая политика привела к сокращению безработицы вдвое с 6 до 3 млн рабочих к 1935 г., увеличив

численность рабочей силы в мирное время на 50% (с 13,5 до 20 млн), при этом выдвинув тысячи людей на руководящие должности ¹²⁹ . К 1939 г. “платежеспособный спрос на рабочую силу превысил предложение на полмиллиона” ¹³⁰ . Эта нехватка гарантировала, что квалифицированные рабочие – особенно в металлургической и строительной отраслях, где в период между 1933 и 1937 гг. численность рабочей силы выросла в 2,5 и 3 раза соответственно – пользовались преимуществами продавца дефицитного товара. Известный британский марксист, историк нацистской Германии Тимоти Мейсон (Timothy Mason) убедительно доказывал, что это привело к появлению следующей модели:

“[Нацистский] режим нуждался в политической поддержке рабочего класса и в его полном сотрудничестве в гонке вооружений, но чем меньше было безработных, тем менее необходимым становилось для рабочего класса всецело сотрудничать с ним; и эта политическая слабость режима долгое время препятствовала мерам, которые могли бы устранить экономическую слабость. Гитлер постоянно отстаивал примат политики над экономикой; к марту 1942 г. это означало примат террора. То, что было политически невозможно, но экономически необходимо по требованию немецкого рабочего класса, можно было без стеснения требовать от рабского труда недочеловеков, поставляемых в вагонах для перевозки скота в Рейх из Восточной Европы” ¹³¹ .

При нацистах были увеличены пенсии, также правительство предоставило очень щедрые субсидии и налоговые льготы немецким фермерам. 70% немцев избежали 50% подоходного налога военного времени. Для всех “арийских” работников в Германии было введено обязательное медицинское страхование и

страхование по безработице. В то же время нацистское правительство проявило готовность обложить налогом состоятельную буржуазию, которая на протяжении всего периода получила большую прибыль, чтобы теперь финансировать свое социал-империалистическое государство. Али утверждает, что в то время как компании облагались высокими налогами по ставке 20% в 1933 г., 40% в 1940 г., и, в конечном итоге, 55%, средний немецкий наемный работник в период с 1939 по 1945 г. не платил прямых военных налогов¹³². По данным Али, примерно 60 млн немцев низкого и среднего достатка (75% населения) оплачивали не более 10% военных расходов Германии, более состоятельные немцы – около 20%, а чужеземцы, принудительные работники и евреи – примерно 70%¹³³. Рейх перераспределял в пользу немецкого народа и доходы от военно-принудительного труда, и собственность угнетаемых восточноевропейских народов посредством щедрых этнических схем социального обеспечения, финансируемых путем уничтожения реальных национальных валют в Западной Европе, сверхэксплуатации восточноевропейской рабочей силы внутри Германии, массовой экспроприации и перераспределения собственности евреев и разграбления ресурсов и сверхэксплуатации рабочей силы на оккупированных советских территориях. Не только подкуп рабочего класса нацистскими империалистами позволил обеспечить комфортную стабильность его уровня жизни, но и тот факт, что расходы на войну и оккупацию в основном покрывались не населением страны-агрессора, а его жертвами.

В период с 1890 по 1933 г. более состоятельные немецкие рабочие – политически представленные СДПГ и организованные в рамках АДГБ – были готовы пойти на компромисс с империализмом в той мере, в какой им

гарантировалось повышение уровня жизни и расширение политического представительства. Оказавшись перед Второй мировой войной в весьма скомпрометированном положении, немецкая рабочая аристократия заключила мир с фашистским империализмом на условиях паразитизма по отношению к разграбленным и поработоченным евреям и славянам (“низшими расами по отношению к немцам, чистым от любой примеси”) Центральной и Восточной Европы. Таким образом, экономическое и политическое развитие немецкого рабочего класса в период между созданием Рейха в 1871 г. и поражением фашизма в 1945 г. тесно связано с феноменом социал-империализма, который позволил сформировать в Германии реакционную рабочую аристократию, стремившуюся любой ценой сохранить свое положение в капиталистической мировой системе. История немецкого рабочего класса, его содействия все более агрессивному и в конечном итоге, фашистскому империализму резко подчеркивает противоречие между классовыми интересами рабочей аристократии и интернациональным рабочим классом.

IV.4. ФАШИЗМ И РАБОЧАЯ АРИСТОКРАТИЯ

Несмотря на то, что термином “фашизм” часто злоупотребляют, называя им любую форму диктата государства, генеральный секретарь Коммунистического Интернационала, болгарин Георгий Димитров, дал ему знаменитое определение как “открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала”¹³⁴. Хотя это определение фашизма, сделанное в эпоху народного фронта, является верным, ему не хватает определенной конкретности. Фашизм – это попытка империалистической буржуазии укрепить свое господство на

основе поддержки средним классом контрреволюционной диктатуры. Идеологически фашизм представляет из себя смесь авторитаризма, расизма, милитаризма и мелкобуржуазного социализма, необходимого для его успеха. Во-первых, авторитаризм оправдывает правую диктатуру, направленную на ограбление и подавление любых реальных или потенциальных противников империалистического правления. Во-вторых, расизм или крайний национал-шовинизм обеспечивает фашистскому правлению псевдодемократический фасад, обещая нивелировать все различия по рангу и классу через национальное возвеличивание. В-третьих, милитаризм позволяет фашистскому движению как вербовать в свои ряды деклассированных бывших военных и военизированные элементы, так и готовить народное сознание к неизбежной агрессивной войне. Наконец, социал-фашизм предлагает более высокую заработную плату и уровень жизни для национальной рабочей силы за счет иностранных и колонизированных рабочих. Как таковые, обвинения в адрес “непроизводительного” и “ростовщического” капитала, “буржуазных” наций (т. е. доминирующих империалистических наций) и предательства рабочих реформистским “социализмом” являются неотъемлемой частью фашистской риторики. Как было сформулировано в программе Коммунистического Интернационала в 1928 г. ¹³⁵, «комбинация социальной демократии, коррупции и активного белого террора, наряду с крайней империалистической агрессивностью в сфере внешней политики являются характерными чертами фашизма» ¹³⁶.

С географической точки зрения, фашизм на своей территории – это империалистические репрессии, обращенные вовнутрь, в то время как на чужой территории – это империалистические репрессии на службе компрадорских

автократий. Фашистское государство является особой исторической формой буржуазного государства. Именно в этом духе Смит описывает немецкую военную колониальную политику в Юго-Западной Африке как “предвещавшую геноцид в более позднюю эпоху в истории Германии”¹³⁷. Первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру заявил, что фашизм и империализм являются “кровными братьями” и что “долгое время в Индии знали фашизм под именем империализма”¹³⁸. В исследовании связи между фашистской идеологией и Европейским колониализмом в странах Третьего мира Шмитт-Эгнер (Schmitt-Egner) пришел к выводу, что все решающие элементы более поздних фашистских идеологий коренились в колониальной идеологии¹³⁹. Адъюнкт-профессор кафедры истории Винай Лал (Vinay Lal) отмечает:

“С точки зрения многих ученых Азии и стран Третьего мира, Холокост ... обрушил на народы Европы насилие, которое колониальные державы в течение почти пятисот лет регулярно применяли к “туземцам” по всему миру. Исключительность Холокоста, поражающая исследователей европейского колониализма, заключается в том, что Германия осмелилась сделать в пределах Европы то, что ранее не делала никакая другая колониальная держава¹⁴⁰. Фундаментальное различие между реакцией Великобритании, США, Франции и Германии на мировой экономический кризис начала 1930-х гг. и сопровождавшее его межимпериалистическое соперничество за рынки, заключается не в относительной культурной склонности к демократии каких-то стран или разной степени воинственности их рабочих классов. Скорее дело в том, что в то время как США, Великобритания и Франция могли использовать сверхприбыли, полученные от их колониальной, неоколониальной и внутренне-колониальной сфер влияния, чтобы купить социальный мир (в межвоенный

период почти половина торговли Великобритании осуществлялась с ее доминионами и колониями, в то же время Франция отправляла треть своего экспорта в свои колонии¹⁴¹), немецкий монопольный капитал в отсутствие такой возможности мог только стремиться к завоеванию новой империи. В 1933 г. немецкий социалист Ричард Левенталь (Richard Löwenthal) превосходно описал условия фашистского господства, которые применимы как к Италии 1920-х гг., так и к Германии 1930-х гг.:

“Чем глубже в стране экономический кризис и чем меньше у нее резервов для его смягчения, тем легче фашизм приходит к власти. Также, чем меньше сфера империалистического влияния страны, меньше колоний и т. п. по отношению к потребностям ее капиталистического класса, тем больше вероятность победы фашизма. Он легче приходит к власти в стране, зависящей от ввоза капитала и обремененной международными долгами, чем в стране, вывозящей капитал и способной жить за счет своих доходов. Он легче приходит к власти в стране с большим количеством экономических пережитков, которые снижают ее международную конкурентоспособность, чем в стране с быстро растущим производством и расширяющимся мировым рынком. Поэтому важнейшей характеристикой фашизма является то, что он должен самым решительным образом отстаивать свои империалистические притязания именно потому, что основанием для этих притязаний является его относительная слабость. Фашизм – это пример империализма тех, кто опоздал к разделу мира. Для этого империализма характерна огромная потребность в экспансии, но нет традиционного оружия для ее реализации. Это одна из форм империализма, который не может действовать как посредством займов, поскольку он сам в долгах, так и на основе технического превосходства, поскольку он

неконкурентоспособен во многих областях. Это нечто новое в истории – империализм нищих и банкротов”¹⁴².

Социалисты Первого мира (будь то коммунисты, социал-демократы или анархисты) молчаливо признают, что внутреннее налогообложение обеспечивает государственные пособия по социальному обеспечению империалистических стран, не исследуя, чей труд в первую очередь оплачивает налогооблагаемый доход. Выделяя сверхбогатую элиту в качестве источника проблем общества и адресуя это послание среднему классу и рабочей аристократии, социализм Первого мира становится первомиристским левым популизмом. Последний отличается от своей правой разновидности лишь менее откровенным расистским призывом и большим одобрением государственных расходов. Как мы видели, монополистический капитализм и империализм могут легко сосуществовать с социал-демократическим перераспределением богатства в пользу рабочего класса метрополии. Сайлз (Sayles) справедливо отмечает, что “радикальные левые” в империалистических странах являются не более чем “придатком буржуазного либерализма и во многих случаях служат буфером между капиталистическим колониализмом и борьбой народов за независимость и социализм”¹⁴³. Позиция этих “радикальных левых” строится на притворстве, якобы мировая капиталистическая система сводится к конфликту между двумя, в равной степени транснациональными классами: капиталистами и рабочими. В тоже время рабочая аристократия, интересы которой они отстаивают, является таким же “буфером” между борьбой народов за независимость и социализм и капиталистическим колониализмом, как и неоколониальные элиты угнетенных наций. Подобно рабочему классу Первого мира и его представителям, компрадорская буржуазия сохраняет фасад

демократической благопристойности, в то время как на самом деле она полностью подчиняется своим кровавым и хищным империалистическим спонсорам.

Когда капитализм переходит от социал-демократического государства всеобщего благосостояния к государству, охраняющему интересы корпораций, он сталкивается с необходимостью отказаться от формальных законов и политических процедур буржуазной демократии. Как правило, рабочая аристократия, поскольку она существует исключительно в качестве посредника для перераспределения прибавочной стоимости в пользу правящего класса, посредством выборов и организации профсоюзов обеспечивает видимость демократической легитимации все более репрессивных полицейских бастионов монополистического капитализма. Это позволяет фашизму отрицать империализм как источник его относительного процветания и даже удовлетворения основных потребностей в здравоохранении и жилье.

Нередко открыто национал-шовинистические партии получают поддержку от групп лиц, считающих себя политически левыми. К примеру, фашистский Национальный фронт Жан-Мари Ле Пена ¹⁴⁴, 20% членов которого считают себя “левыми”, преуспел во французских выборах 1995 г. с лозунгом «ни направо, ни налево, а по-французски», набрав 30% голосов рабочего класса и 25% голосов безработных ¹⁴⁵. Опрос 2011 г. показал, что в то время как 48% британцев проголосовали бы за ультраправую антииммиграционную партию, выступающую за борьбу с так называемым «исламским экстремизмом» «ненасильственным» путем, 52% согласились с утверждением, что “мусульмане создают проблемы в Великобритании” ¹⁴⁶. В США “Чайная партия” создала себе общественную базу

поддержки за счет обращения к крайнему расизму в отношении лиц мусульманского происхождения и широко распространенных антииммигрантских настроений.

То, что западные рабочие в настоящее время являются основным электоратом фашизма, было продемонстрировано политологом Даниэлем Оешем (Daniel Oesch) в его обзоре литературы, показывающем “растущую пролетаризацию [sic] электората правых популистских партий”, начиная с 1990-х гг.¹⁴⁷ . В частности, исследования показывают, что трудящиеся стали основной избирательной базой Австрийской партии свободы, Фламандского блока в Бельгии, Национального фронта во Франции, Датской народной партии и норвежской Партии прогресса. В то же время, голоса рабочего класса за швейцарскую Народную партию и итальянскую Лигу севера немногим меньше количества голосов владельцев мелкого бизнеса, лавочников, ремесленников и независимых производителей. Таким образом, представляется разумным предположить, что в 90-е гг. правые популистские партии стали новым типом партий рабочего класса. Оеш задается вопросом, почему лица, “сильно подверженные рискам на рынке труда и обладающие незначительными социально-экономическими ресурсами”, “расположенные внизу профессиональной иерархии”, могут голосовать за правые популистские партии и находит выход в культурном протекционизме¹⁴⁸ и глубоко укоренившемся недовольстве функционированием “демократической” системы, в отличие от “экономических претензий” как таковых¹⁴⁹ . Фактически, ошибочно постулировать какую-либо строгую дихотомию между расистским авторитарным национализмом рабочего класса метрополии и их социально-экономическим положением. Степень обладания работниками стран ядра

социально-экономическими ресурсами и их подверженность риску на рынке труда напрямую связана с их положением, но не внизу профессиональной иерархии, а на уровне глобальной экономики – на ее вершине. По существу, политическое намерение притеснять, лишать гражданских прав и вытеснять “небелых”, нехристиан за границы государства не просто основано на реальной или потенциальной конкуренции за рабочие места. Скорее, это надо расценивать как выражение поддержки “рабочим классом” империалистической системы, которая все более и более открыто подчиняет себе другие нации, чтобы монополизировать их природные ресурсы и капитал. Тот факт, что глобальный империализм в силу экономических, дипломатических, политических и других причин счел необходимым пропускать через свои границы людей из неокolonизированных стран, неизменно вызывал неодобрение со стороны рабочей силы метрополии. Оно только усилилось по мере того, как кейнсианская социал-демократия была заменена неолиберальной экономической реструктуризацией и сопутствующим подъемом расистского полицейского государства¹⁵⁰. Сверхплата рабочей силы метрополии зависит не только от военизированных границ и дискриминации на рынке труда, но и от того, в какой степени рабочие метрополии могут влиять на государственную политику в свою пользу. В отсутствие социал-демократических и профсоюзных механизмов (соответствующих более раннему этапу организации рабочей аристократии) демократия Первого мира, основанная на угнетении более чем $\frac{3}{4}$ населения мира, находит главное условие своего существования в расистском национал-шовинизме.

Западные социалисты потворствуют реакционному электорату, рассматривая отчетливо фашистскую тенденцию рабочего класса метрополии как форму

ложного классового сознания или политической наивности. В действительности, евросоциализм не только не способен противостоять империализму, но и регулярно поддерживает проимпериалистические и расистские настроения своими попытками активно привлечь рабочую аристократию на свою сторону. В последнее время это нашло отражение в осуществившемся предложении Французской коммунистической партии запретить ношение хиджаба и в громкой поддержке европейскими левыми западного вторжения в Ливию и Сирию (в первом случае ее умерила все более неоспоримая отсталость пронатовских повстанцев, а во втором – крайне медленные темпы их продвижения). Как правило, воинствующий подход евро-социалистического активиста перекликается с антикорпоративной, антиглобалистской, антифинансистской, антиправительственной, протекционистской и псевдомарксистской риторикой национал-социализма. В обоих случаях, поскольку повышение нынешнего уровня жизни рабочего может зависеть от “самообеспеченности” или национальной производительности, монополистический капитализм должен быть сохранен. Игнорируя империалистический источник “заработной платы” Первого мира, первомиристские социалисты вносят свой вклад в политическую культуру корпоратизма, узколобости и национал-шовинизма, которая может только укрепить положение класса капиталистов в глобальном масштабе.

Отрицая реальность сверхэксплуатации, партии и организации империалистических стран, называющие себя “социалистическими”, являются социалистическими только на словах, как Геббельс и братья Штрассер, то есть выступая за увеличение доли сверхприбылей, будь то в относительном или абсолютном выражении, для работников своей нации. В отличие от этого,

подлинно социалистическая программа сегодня означает работу по освобождению стран Третьего мира из сетей империалистического паразитизма путем демократического отстаивания их суверенитета в экономической, политической, правовой и культурной сферах. Однако, без разъяснения того факта, что успех такой программы должен привести к снижению уровня жизни рабочих Первого мира, по крайней мере временно, получится очередной рецепт “социалистического” неоколониализма ¹⁵¹ .

Сегодня чрезвычайно популярные СМИ – как в “желтой” (таблоидной), так и в “серьезной” формах – последовательно отстаивают империалистическое мировоззрение ¹⁵² . В то же время рабочие стран ядра остаются бесчувственными перед лицом растущего империалистического корпоратизма, агрессивных оккупационных войн в Афганистане, Ираке и других странах и подавления гражданских свобод чернокожих и этнических меньшинств. Рабочий класс метрополии повсюду отреагировал на эти события всплеском ура-патриотизма и поиском козлов отпущения среди мусульман, азиатов, чернокожих и других этнических меньшинств – часто в сочетании с популистской критикой узкого слоя элит. Западные рабочие постоянно голосовали и агитировали за империализм: независимые партии рабочего класса, в отличие от двух или трех основных империалистических партий, имели практически нулевое электоральное значение на протяжении более чем ста лет.

IV.5. НАЦИЯ, “РАСА” И ГЛОБАЛЬНЫЙ РАСКОЛ В

РАБОЧЕМ КЛАССЕ

В глобальном масштабе одни и те же олигополистические группы контролируют экономику как в ядре, так и в периферийных зонах, так что, когда капитализму бросают вызов в одной из них, то ему бросают вызов и в другой.

Взаимопроникновение капитала на Севере и Юге осуществляется в рамках империалистических международных отношений, сутью и целью которых является извлечение дополнительной прибавочной стоимости. В политическом плане, как утверждает Амин, любая попытка взять власть у олигополий “империалистической триады” должна обязательно происходить в глобальном масштабе. Экономические реформы, угрожающие демократизировать общественный продукт и свергнуть гегемонию глобальных олигополий только внутри ядра, неизбежно оставляют нетронутой их основу, как, впрочем, и изолированные попытки противостояния только «национальным» буржуазиям периферии. Лживый космополитизм евро-марксизма, чисто риторический интернационализм, лишенный своей антиимпериалистической сути, не способствует сбалансированной оценке национального вопроса в странах Третьего мира. Амин указывает на необходимость сохранения подлинно интернационального мировоззрения в стремлении продвигать демократические реформы и народный контроль над производством в богатых странах. Учитывая зависимость рабочей аристократии от империализма, проявившуюся в правом дрейфе западных рабочих, встает вопрос о том, возможна ли вообще международная солидарность трудящихся в масштабах, достаточных для вызова правящей элите мировой экономики.

Выше мы утверждали, что всепроникающий и широко распространенный расизм

и первыми западного общества, а также практически полное отсутствие какого-либо антиимпериалистического народного движения среди его населения лучше всего можно объяснить глубоким внутриклассовым единством, существующим в этом обществе. Когда какая-либо часть населения занимает самое низкое социально-экономическое положение в силу своей мнимой “расы”, национальности или культуры, то граждане или потенциальные граждане, определяемые как вышестоящие, исходя из своих классовых интересов будут стремиться расширить и усилить это разделение. Таким образом, перспектива обуржуазивания зависит от развития империалистических производственных отношений – т.е. от включения сверхэксплуатируемого труда и олигополии в кругооборот капитала. Незавершенность империалистического проекта, обусловленная относительно глубоким классовым и внутриклассовым противоборством на мировом уровне, периодически ставит под угрозу внутреннее единство наций ядра, которое может быть восстановлено как на правой, так и на “левой” платформах. Политическая форма (ре)конструкции империалистического национального единства зависит от следующих взаимосвязанных факторов:

- Подвижность и глубина границ (экономических, демографических, географических, культурных, идеологических), разделяющих так называемые “расы”, нации и культуры, определяют успех умеренного реформизма;
- Относительная величина или физическое наличие предполагаемой угрозы установившемуся уровню жизни, исходящей от угнетенного населения, определяет целесообразность использования государственных репрессий;
- Сила (понимаемая как в плане самоорганизации, так и соответствующей позиции для экономического торга) угнетенного в настоящее время населения и

его политические и экономические перспективы определяют границы кооптации, ассимиляции, федерации или их противоположностей;

- Вид и степень массовой мобилизации, необходимой для начала захватнической войны или репрессий против “иностранцев”, обуславливает необходимость конкретных и скоординированных проявлений популизма правящего класса;
- Уровень боевитости рабочей силы нации ядра; и наиболее важное:
- Наличие прибавочной стоимости для целей ослабления объективно антикапиталистических тенденций в (фактически или потенциально) привилегированных группах.

Масштабы и структура международной системы исторически сформировалась благодаря тому, что некоторые нации успешно подчиняли другие нации в угоду собственному экономическому развитию. Эти нации в ходе войн и завоеваний, а также в связи с неравномерностью развития капитализма, порожденного этим процессом, вошли в относительно автономное ядро мировой системы. Расширяя капиталистическую систему в мировом масштабе, глобальный империализм создает перспективу огромных изменений противных интересам капиталистов ядра и, таким образом, приводит к необходимости более широкого и глубокого союза между всеми нациями ядра и доминирующими в них социальными группами. Для достижения этого единства и укрепления политической стабильности, от которой оно зависит, стратегия внутреннего колониализма и перераспределения дополнительных прибылей, получаемых в результате дискриминации угнетенных меньшинств, способствовала укоренению консерватизма среди этнического большинства. Хотя расистское и культуралистское угнетение внутри империалистических стран угрожает правящим классам политической нестабильностью, его альтернатива (ответная

реакция нации угнетателя против государства может вызвать радикальную антирасистскую интеграцию) представляет бóльшие трудности. В любом случае, навязанное согласие с сегрегацией, внутренним неокOLONиализмом, жестокими полицейскими репрессиями и, прежде всего, предоставлением сверхдоходов (как бы малы они не были в сравнении с нацией-угнетателем) сумело сдержать любые интернационалистические настроения среди своих жертв.

Искренность людей Первого мира, желающих более человеческого и менее ужасного мира, сдерживается неспособностью или отказом отстаивать интересы угнетенных национальностей, вместо этого их тяжелое положение используется в качестве грубой идеологической аналогии, чтобы указать на «общее» угнетение или как козырь в циничной стратегии для давления на правящий класс с целью получения бóльших привилегий. В странах ядра не было действительно широкого рабочего интернационализма. Вместо этого имели место случаи пособничества рабочего класса в корпоративном и империалистическом контроле над профсоюзными движениями стран Третьего мира, поддержанной избирателями империалистической агрессии, а также добровольная служба в империалистической армии и зачастую жестокое белое превосходство на низовом уровне. Среди академических и интеллектуальных левых, как внутри стран ядра, так и за его пределами, эта зловещая летопись имеет аналог в решительном и практически всеобщем отказе учитывать объем сверхэксплуатации и ее значение для трансформации мировой классовой структуры.

Подчеркивая тот факт, что существуют радикально различающиеся размеры

вознаграждения за один и тот же труд в глобальном масштабе, мы фактически стремимся переориентировать марксистскую и социалистическую практику на народные движения за демократический суверенитет на глобальном Юге, в месте наибольшего влияния рабочего класса. Кроме того, мы утверждаем, что политические требования полного и равного гражданства стали центральными для рабочего движения там, где монополистический капиталистический класс может продолжать присваивать себе прибавочную стоимость только путем систематического угнетения подчиненного населения.

В то же время мы отдаем себе отчет в том, что (частичное) выполнение этих требований в рамках растущей системы (нео)колониального капитализма может привести к тому, что угнетенные группы в пределах Первого мира улучшат и укрепят свое положение за счет эксплуатируемой рабочей силы, прибавочный труд которой должен обеспечивать их ассимиляцию. Помимо очевидных моральных последствий группового неблагополучия в странах Первого мира, его необходимость в первую очередь связана с обеспечением политических условий для империалистического правления в текущих условиях, в том числе путем предоставления рабочему классу нации ядра большей доли социально умиротворяющих сверхприбылей. В этой связи крайне важно отметить, что факты о демографическом распространении и структуре относительного неблагополучия в богатых странах достаточно недостоверны, и их не следует преувеличивать (как это обычно делают “левые”) или предлагать в качестве убедительных доказательств наличия эксплуатации. Борьбу с дискриминацией и угнетением не следует путать с классовой борьбой как таковой, которая в основном вращается вокруг эксплуатируемой части рабочего класса и создаваемой им прибавочной стоимости. Поскольку улучшение экономического

положения людей в богатых странах сегодня неразрывно связано с империализмом, борцы против институциональной дискриминации повсюду и за достойный уровень жизни в бедных странах должны признать первостепенную роль борьбы против империализма.

Рабочее движение и его представители в Третьем мире должны полностью осознать буржуазные классовые интересы трудящихся Первого мира и их организаций. Хотя прямо выраженная социал-империалистическая доктрина так же редка сегодня среди левых, как и колониалистская идеология “бремени белого человека” среди правых, рабочие движения Первого мира как минимум так же политически связаны с империалистической внешней политикой и ее институциональными механизмами, как и сто лет назад. Рабочие организации стран Третьего мира, со своей стороны, уже давно осведомлены, на чьей стороне находятся симпатии западных профсоюзов. Например, в июле 1932 г. Всеиндийский конгресс профсоюзов (ВИКП) отказался объединиться с Индийской федерацией профсоюзов (ИФП), поскольку последняя была связана как с социал-демократической Международной федерацией профсоюзов в Амстердаме, так и с Международной организацией труда в Женеве. ВИКП был против присоединения к любой из этих организаций, так как они “поддерживали империалистическую политику европейских держав”¹⁵³.

Историки труда Дон Томсон (Don Thomson) и Родни Ларсон (Rodney Larson) представили подробный анализ пагубных последствий западного “профсоюзного империализма” для стран Третьего мира¹⁵⁴. Азиатско-американский институт свободного труда и созданные под его эгидой Афро-Американский центр рабочего движения и Американский институт свободного

развития труда в Латинской Америке щедро раздавали профсоюзным лидерам в этих регионах средства, предоставленные многонациональными корпорациями и правительством США (последние в немалой степени исходили от ЦРУ). Этот подкуп был направлен на создание уступчивых и консервативных профсоюзов, оторванных от борьбы боевых крестьянских и рабочих организаций и враждебных им, но полностью приверженных поддержке и/или интеграции с полуфашистскими компрадорскими капиталистическими режимами, дружественными Государственному департаменту США.

Находящаяся под влиянием Великобритании Международная конфедерация свободных профсоюзов (МКСП – создана в 1949 г. в противовес Всемирной федерации профсоюзов, в которой доминировали коммунисты; АФТ/КПП была дочерней организацией МКСП и в 1969 г. вышла из ее состава, выражая недовольство отсутствием антикоммунистической направленности организации), хотя и ведет менее откровенную проимпериалистическую политику и продемонстрировала определенную приверженность созданию независимых профсоюзов в Третьем мире, также служит косвенным средством навязывания воли западных правительств трудящимся стран Третьего мира. Хотя в конце 1960-х гг. лишь около 30% членов МКСП составляли лица незападного происхождения¹⁵⁵, Африканская региональная организация, Азиатская региональная организация и Межамериканское региональное бюро МКСП (Regional Interamericana de Trabajadores, ОРИТ – особенно реакционная организация, жестко выступающая даже против социал-демократического и христианского влияния в рабочем движении) функционировали в качестве каналов финансирования со стороны империалистических правительств и национальных профсоюзных центров, направленных на создание «карманных

профсоюзов» во всем Третьем мире.

По словам Томсона и Ларсона, получатели финансирования МКСП демонстрируют “все более заметную общность интересов с международной работой западных профсоюзных центров и внешней политикой их правительств”¹⁵⁶. Так, на протяжении более полувека МКСП поддерживала сохранение империалистического статус-кво: начиная 1950-х гг., когда МКСП поддерживала агрессию США против Кореи и по настоящее время, когда вместе с Международной организацией труда и АФТ/КПП и силами ОРИТ она способствовала проведению дестабилизирующей кампании против избранного правительства Гаити и после свержения последнего игнорировала массовые преследования работников государственного сектора в период с 2004 по 2006 г.¹⁵⁷. Сознавая этот факт, в 2010 г. Конгресс южноафриканских профсоюзов, представляющий крупнейшие профсоюзы страны, выступил с заявлением, в котором подверг критике МКСП за причастность к империалистическому угнетению стран Третьего мира:

“Теперь стало еще яснее, что глобальная политэкономическая структура такова, что все устройство и институты Севера служат и укрепляют власть глобального правящего класса. В связи с этим даже профсоюзы видят свою главную обязанность, прежде всего, в защите капиталистической системы, за исключением некоторых опасений по поводу ее крайностей. Они дискредитируют любую попытку поставить под сомнение ее легитимность и призыв к ее изменению. Империализм целенаправленно работает над тем, чтобы они видели свое будущее, связанным с существованием и успехом системы. Вот почему они страстно борются с тем, что угрожает основам

системы. Защита глобальных рынков и торговой системы, которые ведут к нашей слабости, интересы их правящих классов на Ближнем Востоке и их неограниченный контроль над международным профсоюзным движением и связанными с ним организациями, – все это помогает поддерживать доминирующую систему и защищать ее от тех, кто является ее жертвами и хотел бы, чтобы она была ликвидирована. Это основа идеологического и политического выбора, сделанного нашими товарищами на Севере в ходе профсоюзной борьбы”¹⁵⁸. (выделено мной. – З. К.).

Корпоративистский “бизнес-синдикализм” и “социальное партнерство”, осуществляемые профсоюзным движением империалистических стран, полностью поддерживаются за счет трудящихся в странах Третьего мира, которые должны ежедневно бороться за преодоление сверхэксплуатации и ее репрессивных опор. В то время как западные “левые” могут высказываться критически о буржуазии Третьего мира, они предпочитают умалчивать о пособничестве и консервативности своих соотечественников из рабочего класса. Канонизированный западный «пролетариат» евромарксистских преданий полностью принимал и участвовал в политических структурах капиталистического империализма в течение большей части столетия без какого-либо сопротивления, которое не могло бы быть успокоено небольшими экономическими реформами.

Подлинное и эффективное сопротивление капитализму и тому бремени, которое он налагает на самых бедных, больных, угнетенных и незащищенных членов общества Первого мира требует замены консервативной, прокапиталистической тактики, стратегии и мировоззрения западного рабочего движения реальной

международной солидарностью с теми рабочими, чья интенсивная эксплуатация служит основой для всей капиталистической системы, а именно с производителями Третьего мира. Те профсоюзные деятели, активисты и прогрессивные деятели в развитых странах, которые стремятся связать демократическую и антивоенную политику с борьбой трудящихся, бедных и угнетенных против капиталистического милитаризма, ведут тяжелую, но, возможно, не безнадежную борьбу. Однако это не та битва, которую можно продолжать вести и, тем более, победить в ней, если базовая классовая структура мировой экономики останется до конца не понятой.

Перевод и редактирование осуществили Андрей Полянский, Мирон Третьяков и Егор Радайкин.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Получение части указанной прибавочной стоимости рабочим классом стран центр не отменяет факта эксплуатации их прямыми работодателями. То есть, эти рабочие по-прежнему производят стоимости больше, чем получают от

капиталистов, а прибавочную стоимость, извлеченную из периферии, они получают главным образом от государства, через механизмы перераспределения налогов транснациональных корпораций, государственные фонды, бесплатные социальные услуги, субсидирование агропроизводителей, которое удешевляет продовольственные товары и т.д. – Примеч. ред. ↩

2. Cope Z. Dimensions of Prejudice: Towards a Political Economy of Bigotry. Oxford: Peter Lang, 2008. ↩
3. Pickering P. A. 'The Hearts of the Millions': Chartism and Popular Monarchism in the 1840s // History. 2003, vol. 88, no. 290, April, pp. 227-248. ↩
4. Чартисты, являясь социальным движением с мелкобуржуазными эгалитаристскими целями, не имели ярко выраженных политических идей. Поэтому по этим вопросам они воспроизводили господствующее мнение. – Примеч. ред. ↩
5. Не только и не столько колониализм, сколько промышленная монополия Англии. – Примеч. ред. ↩
6. См.: Foster J. Class Struggle and the Industrial Revolution: Early Industrial Capitalism in Three English Towns. London: Weidenfeld & Nicolson, 1977; Stedman J. G. Languages of Class: Studies in English Working Class History 1832-1982. Cambridge: Cambridge University Press, 1983; McKibbin R. Why was there no Marxism in Great Britain? / Ideologies of Class: Social Relations in Britain 1880-1950. Oxford: Oxford University Press. 1990, pp. 1-41; и Finn M. C. After Chartism: Class and Nation in English Radical Politics 1848-1874. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. ↩
7. Clough R. Labour: A Party Fit For Imperialism. London: Larkin Publications, 1992, p. 19. ↩
8. Marx and Engels: Articles on Britain. Moscow: Progress Publishers, 1975, pp. 378-9. ↩
9. Clough R. Haunted by the labour aristocracy Part 1: Marx and Engels on the split in

the working class // Fight Racism! Fight Imperialism! 1993, no. 115,
October/November. ↩

10. Mantoux P. The Industrial Revolution in the Eighteenth Century. London: Methuen and Co. Ltd., 1970, p. 78. ↩
11. Clough R. Labour: A Party Fit For Imperialism. London: Larkin Publications, 1992, p. 21. ↩
12. Цитируется по: Evans E. J. The Forging of the Modern State: Early Industrial Britain, 1783–1870. Essex: Longman Books, 1996, pp. 178–9. ↩
13. Halevy E. History of the English People. London: Pelican, 1939 [1932], 6 vols., p. 133. ↩
14. Clough R. Labour: A Party Fit For Imperialism. London: Larkin Publications, 1992, p. 38. ↩
15. Marx and Engels: Articles on Britain. Moscow: Progress Publishers, 1975 ↩
16. Gupta P. Imperialism and the British Labour Movement 1914–1964. London: Macmillan Press, 1975, p. 7. ↩
17. Clough R. Labour: A Party Fit For Imperialism. London: Larkin Publications, 1992. См. исследования Марка Кертиса (Curtis M. Web of Deceit: Britain’s Real Role in the World. London: Vintage, 2003; Unpeople: Britain’s Secret Human Rights Abuses. London: Vintage, 2004.) для документального подтверждения послевоенных империалистических авантюр, предпринятых Великобританией и их последствий. ↩
18. Цитируется по: Plumb J. H. England in the Eighteenth Century. London: Penguin, 1950, p. 33. ↩
19. Miles R. Labour Migration, Racism and Capital Accumulation in Western Europe since 1945: An Overview. Capital and Class. 1986. Vol. 10. No. 1, p. 55. Британское правительство хорошо осознает роль, которую играет труд иммигрантов в

современном процессе накопления капитала. Иммигранты “сосредоточены в городских агломерациях, где спрос на рабочую силу, как правило, был относительно высоким, а также задействованы на работах, где требуется полуквалифицированный и неквалифицированный труд, на которые трудно привлечь других работников из-за таких особенностей, как низкий заработок, необходимость работать сверхурочно и/или неприятные условия труда. (Они разделяют эти особенности с более ранними мигрантами в Великобританию и с трудовыми-иммигрантами других западноевропейских странах)”. (United Kingdom Unit for Manpower Studies. The Role of Immigrants in the Labour Market. London: Department of Employment, 1976, p. 31) ←

20. Peach C. Ethnic Minorities and Industrial Change in Europe and North America. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, pp. 123-5. По данным Брауна (Brown C. Black and White Britain: The Third PSI Survey. London: Heinemann, 1984.), 35% афро-карибских мужчин, 40% азиатов (включая почти 70% бангладешцев) и всего 16% белых в Великобритании были заняты полу- или неквалифицированным ручным трудом. Для того, чтобы ознакомиться с последними статистическими данными о чрезвычайно плохом трудовом положении этнических меньшинств в Британии по сравнению с «белым» населением см.: Pathak S. Race Research For The Future: Ethnicity In Education, Training And The Labour Market // Research Topic Paper. London: Home Office Research and Planning Unit, 2000, no. 1. ←
21. Engstrom D. M. The economic determinants of ethnic segregation in postwar Britain. Oxford, Discussion Papers in Economic and Social History, 1997, pp. 16-17. ←
22. Smith S. The Politics of Race and Residence: Citizenship, Segregation and White Supremacy in Britain. Cambridge: Polity Press, 1989, pp. 39-43; Bhattacharyya G., Gabrie J., Small S. Race and Power: Global Racism in the Twenty First Century.

London: Routledge, 2002, pp. 8, 31-2. ↩

23. Smith S. *The Politics of Race and Residence: Citizenship, Segregation and White Supremacy in Britain*. Cambridge: Polity Press, 1989. Трудящиеся-иммигранты сосредоточены в определенных районах Англии: “около 41% всех трудящихся-иммигрантов и 49% чернокожих трудящихся-иммигрантов находятся в районе Большого Лондона. Еще 17% всех трудящихся-иммигрантов и 22% чернокожих трудящихся-иммигрантов сосредоточены в трех городских агломерациях: Уэст-Мидлендс, Уэст-Йоркшир и Юго-Восточный Ланкашир. Доля всех экономически активных лиц в этих районах составляет соответственно 15% и 13%. Таким образом, 58% всех трудящихся-иммигрантов и 71% чернокожих трудящихся-иммигрантов находятся всего в четырех крупных городских районах по сравнению с 28% всех экономически активных лиц” (United Kingdom Unit for Manpower Studies. *The Role of Immigrants in the Labour Market*. London: Department of Employment, 1976, p. 112). В докладе Хоум-офиса Великобритании за 2003 г. было показано, что процент людей, живущих в непригодных жилищах, выше для всех групп этнических меньшинств, чем у белых (См.: Pathak S. *Race Research For The Future: Ethnicity In Education, Training And The Labour Market // Research Topic Paper*. London: Home Office Research and Planning Unit, 2000, no. 1.). Маквей (McVeigh, Robbie “*Racism and sectarianism, A comparison of Tottenham and West Belfast*,” Ph.D. Thesis, Faculty of Economics and Social Sciences at Queen’s University Belfast, 1990.) сравнивает этническую сегрегацию в Тоттенхэме и Западном Белфасте и ее связь с расизмом и “сектантским” шовинизмом соответственно. ↩
24. Davis M. *Comrade or Brother? A History of the British Labour Movement, 1789-1951*. London: Pluto Press, 1993, pp. 61-78, 90-103, 202-211. ↩
25. Anderson P. *Origins of the Present Crisis // New Left Review*. 1964, no. 23, pp. 26-51.

↩

26. Там же. ↩
27. Sakai J. Settlers: The Mythology of the White Proletariat from Mayflower to Modern. Oakland and Montreal: PM Press and Kersplebedeb, 2014, pp. 143–144. Русский перевод этой работы можно найти здесь <http://left.ru/bib/index.phtml> ↩
28. Там же, p. 160 ↩
29. Allen J. The Negro Question in the United States. New York: International Publishers, 1936. ↩
30. Неофициальное название законов южных штатов США о расовой сегрегации, действовавших с конца XIX до середины XX вв. – Примеч. ред. ↩
31. Greenberg S. B. Race and State in Capitalist Development: Comparative Perspectives. New Haven: Yale University Press, 1980, pp. 328–356. ↩
32. Ошибка автора. В Финляндии фашизма не было, даже во время Второй мировой. – Примеч. ред. ↩
33. Sakai J. Settlers: The Mythology of the White Proletariat from Mayflower to Modern. Oakland and Montreal: PM Press and Kersplebedeb, 2014, p. 175. ↩
34. Leggett J. C. Class, Race and Labour: Working class Consciousness in Detroit. New York: Oxford University Press, 1968, p. 54. ↩
35. Allen R. L. Reluctant Reformers: The Impact of Racism on American Social Reform Movements. Washington, DC: Howard University Press, 1974, p. 166. ↩
36. Brown M. K., Carnoy M., Currie E., Ducter T., Oppenheimer D. B., Shultz M. M., Wellman D. Whitewashing Race: The Myth of a Color-Blind Society. Berkeley: University of California Press, 2005, pp. 66–103. ↩
37. Du Bois W.E.B. “Marxism and the Negro Problem,” in Cary D. Wintz (ed.), African American Political Thought, 1890–1930: Washington, Du Bois, Garvey, and Randolph. New York: M.E. Sharpe, 1996 [1933], pp. 103–118. ↩

38. Allen J. The Negro Question in the United States. New York: International Publishers, 1936. ↩
39. Ignatiev N. How the Irish Became White. London: Routledge, 1995. ↩
40. Perryman W. Unfounded Loyalty: An In-Depth Look into the Love Affair between Blacks and Democrats. New York: Pneuma Life Publishing, 2003. ↩
41. Все перечисленное абсолютно справедливо, но временами в демократической партии такими лидерами как Трумэн, Кеннеди и Джонсон велась и борьба с дискриминацией. – Примеч. ред. ↩
42. Ganser D. NATO's Secret Armies: Operation GLADIO and Terrorism in Western Europe. London: Routledge, 2004. Рус. пер.: Гансер Д. Секретные армии НАТО. Операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе. 2012. ↩
43. Halliday J., Cumings B. Korea: The Unknown War. London: Viking, 1988. ↩
44. Это произошло спустя 4 года после убийства Трухильо в результате заговора генералов. – Примеч. ред. ↩
45. Solomon N., Erlich R. Target Iraq: What the News Media Didn't Tell You. New York: Context Books, 2003. ↩
46. См.: The Liberal Holocaust: Imperialism and the Democratic Party. URL: http://www.axisoflogic.com/artman/publish/Article_12807.shtml ↩
47. Ford G. Black Politics Atrophies Under Obama. 2012. URL: <https://www.blackagenda.com/content/black-politics-atrophies-under-obama> ↩
48. Hobsbawm E. Industry and Empire. Middlesex: Penguin, 1968, p. 139. ↩
49. Rubinson R. "Political transformation in Germany and the United States" in Barbara Hockey Kaplan (ed.), Social Change in the Capitalist World Economy. London: Sage Publications, 1978, p. 43. ↩
50. Там же, pp. 44-5. ↩
51. Wehler H. Bismarck's Imperialism 1862-1890 // Past and Present. 1970, no. 48,

August. ↩

52. Tenfelde K. "Germany" in Marcel van der Linden and Jürgen Rojahn (eds.), *The Formation of Labour Movements, 1870-1914: An International Perspective*. New York: Brill, 1990, p. 248. ↩
53. Lenin V. I. *Imperialism: The Highest Stage of Capitalism*. Peking: Foreign Languages Press, 1970 [1916], pp. 679-691. ↩
54. Geiss I. *German Foreign Policy, 1871-1914*. London: Routledge and Kegan Paul, 1976, p. 46. *“Как интервенционистское государство, так и организованный капитализм рассматривали прагматичную, антициклическую экономическую политику как важное средство стабилизации. Поэтому обе стороны придавали решающее значение поощрению экспортного наступления и завоеванию иностранных рынков либо методами неформального господства, либо путем прямого колониального правления”*. (Wehler H. *Bismarck's Imperialism 1862-1890 // Past and Present*, 1970, no. 48, August. p. 121. ↩
55. Price M. *Dispatches from the Weimar Republic: Versailles and German Fascism*. London: Pluto Press, 1999, p. 6. ↩
56. Geiss I. *German Foreign Policy, 1871-1914*. London: Routledge and Kegan Paul, 1976, p. 47. ↩
57. Henderson W. O. *Studies in German Colonial History*. London: Frank Cass and Co. Ltd., 1962, p. 131. В 1911 г. общая численность немецкого населения в африканских и тихоокеанских колониях Германии (за исключением Цзяо-Чжоу) составляла 16 947 (общая численность белого населения там составила 21 667 человек). ↩
58. Fischer F. *From Kaiserreich to Third Reich: Elements of Continuity in German History, 1871-1945*, translated by Roger Fletcher. London: Routledge.1991, pp. 57-8. ↩
59. Там же. ↩
60. Krooth R. *Arms and Empire: Imperial Patterns before World War II*. California: Harvest

Press, 1980. ↩

61. Город Веймар в Центральной Германии был резиденцией Национального Собрания, сформированного в январе 1919 г. (первоначально берлинскими рабочими и солдатскими советами) для замены имперского правительства Рейха и фактически упраздненного нацистским Законом о чрезвычайных полномочиях 1933 г. ↩
62. Lee M. M., Michalka W. *German Foreign Policy, 1917–1933: Continuity or Break?* New York: Berg, 1987, pp. 149–51. ↩
63. Там же, p. 91; Spaulding R. M. *Osthandel and Ostpolitik: German Foreign Trade Policies in Eastern Europe*. Oxford: Berghahn Books, 1997. ↩
64. Smith A. D. *Guilty Germans?* London: Victor Gollancz, 1942, p. 191. ↩
65. Schweitzer A. *Big Business in the Third Reich*. London: Eyre and Spottiswoode, 1964. ↩
66. В 1929 г. план Янга заменил план Дауэса, предложив Германии менее тяжкое бремя долга. План Дауэса был учрежден после Первой мировой войны как соглашение между германским правительством и союзными державами (Великобританией, Францией и Соединенными Штатами), определяющее характер и размеры немецких военных репараций. Между 1924 и 1929 г. в рамках плана Дауэса Германия получила кредиты от США и Англии почти на 21 млрд рейхсмарок. К 1935 г. эта цифра достигла 27 млрд (70% из которых были предоставлены США). ↩
67. Horster-Phillips U. “Conservative Concepts of Dictatorship in the Final Phase of the Weimar Republic” in Michael N. Dobkowski and Isidor Wallimann (eds.), *Towards the Holocaust: the Social and Economic Collapse of the Weimar Republic*. Connecticut: Greenwood Press, 1983, p. 120; Remmling G. W. “The Destruction of the Workers’ Mass Movements in Nazi Germany” in Michael N. Dobkowski and Isidor Wallimann

- (eds.), *Radical Perspectives on the Rise of Fascism in Germany, 1919–1945*. New York: Monthly Review Press, 1989, pp. 217–9; Ср.: Bullock A. *Hitler: a Study in Tyranny*. New York: Harper and Row, 1962, pp. 196–99. ↩
68. Horster-Phillips U. “Conservative Concepts of Dictatorship in the Final Phase of the Weimar Republic” in Michael N. Dobkowski and Isidor Wallimann (eds.), *Towards the Holocaust: the Social and Economic Collapse of the Weimar Republic*. Connecticut: Greenwood Press, 1983, p. 120. ↩
69. Remmling G. W. “The Destruction of the Workers’ Mass Movements in Nazi Germany” in Michael N. Dobkowski and Isidor Wallimann (eds.), *Radical Perspectives on the Rise of Fascism in Germany, 1919–1945*. New York: Monthly Review Press, 1989, pp. 218–9. ↩
70. Там же. ↩
71. По сути, дело скорее в ресурсах в целом и в рынках сбыта. – Примеч. ред. ↩
72. Tooze A. *The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy*. London: Penguin, 2007. Рус. пер.: Туз А. *Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики*. 2019. ↩
73. Hehn P. H. A Low. *Dishonest Decade: The Great Powers, Eastern Europe, and the Economic Origins of World War II, 1930–1941*. New York: Continuum, 2002, p. 33. ↩
74. В то время как в остальной части континентальной Европы корпоративные инвестиции США сократились, в нацистской Германии они выросли на 48,5% между 1929 и 1940 гг. Многие американские корпорации, такие как General Motors и Ford, имели заводы в Германии, которые использовали рабский труд и производили военную продукцию для Германии. Во время Второй мировой войны американские и британские бомбардировщики намеренно избегали ударов по этим заводам, и после войны они получали компенсацию за счет американских налогоплательщиков за любой нанесенный им ущерб. В годы,

непосредственно предшествовавшие Второй мировой войне, нацистская Германия получила около 1 млрд долл. инвестиций от США и Великобритании. 50% сырья и других поставок, необходимых для ее военной экономики, поступило из Великобритании, Франции, США и их колониальных территорий (Novosti Press Agency. Recalling the Past for the Sake of the Future: The Causes, Lessons and Results of World War Two. Moscow: Novosti Press Agency Publishing House. 1985, pp. 10–11; Preparata G. G. Conjuring Hitler: How Britain And America Made the Third Reich. London: Pluto, 2005.) ↩

75. Bessel R. Hitler's American dream. Review of Tooze, Adam (2007) *The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy* (London: Penguin) // *Times Higher Education*. 2006, October 13. ↩
76. Strobl G. *The Germanic Isle: Nazi Perceptions of Britain*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, p. 91; Cp.: Sarkisyanz M. *Hitler's English Inspirers*. Belfast: Athol Books, 2003. ↩
77. Traverso E. "The New Anti-Communism: Rereading the Twentieth Century" in Mike Haynes and Jim Wolfreys (eds.), *History and Revolution: Refuting Revisionism*. London: Verso, 2007, p. 138. ↩
78. Merson A. *The Nazis and Monopoly Capital* // *Our History*. 1973, no. 57, Summer. ↩
79. Berghahn V. R. *Imperial Germany, 1871–1914: Economy, Society, Culture and Politics*. Oxford: Berghahn Books, 1994, p. 1. ↩
80. Marks H. J. *The sources of reformism in the Social Democratic Party of Germany, 1890–1914* // *Journal of Modern History*. 1939, vol. 11, no. 3, September. ↩
81. Berghahn V. R. *Imperial Germany, 1871–1914: Economy, Society, Culture and Politics*. Oxford: Berghahn Books, 1994, p. 25. ↩
82. Bayly C. A. *The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons*. Oxford: Blackwell Publishing, 2004, p. 273. ↩

83. Fletcher R. Revisionism and Empire: Socialist Imperialism in Germany, 1897–1914. London: George Allen and Unwin, 1984, p. 108. ↩
84. Rubinson R. “Political transformation in Germany and the United States” in Barbara Hockey Kaplan (ed.), Social Change in the Capitalist World Economy. London: Sage Publications, 1978, p. 51; Breuilly J. The Labour Aristocracy in Britain and Germany: A Comparison / Labour and Liberalism in Nineteenth Century Europe. Manchester: Manchester University Press, 1992, p. 29; Hammerow T. The Social Foundations of German Unification, 1858–1871. New Jersey: Princeton University Press, 1969. ↩
85. Eley G. Defining Social Imperialism: Use and Abuse of an Idea // Social History. 1976. Vol. I, No. 3. p. 287; Ср.: Bracher K. The Nazi Takeover // History of the 20th Century. 1969, vol. 48. p. 1339. ↩
86. Это утверждение не совсем корректно, ведь ревизионизм возник позже создания империи. – Примеч. ред. ↩
87. Fletcher R. Revisionism and Empire: Socialist Imperialism in Germany, 1897–1914. London: George Allen and Unwin, 1984, p. 93. ↩
88. Там же, p. 81. ↩
89. Smith W. D. The German Colonial Empire. University of North Carolina Press, 1978; Curry J. Herero Heroes: A Socio-Political History of the Herero of Namibia, 1890-1923. Oxford: Oxford University Press, 1999. ↩
90. Delmer S. Weimar Germany: Democracy on Trial. London: Macdonald/Library of the Twentieth Century, 1972; Price M. Dispatches from the Weimar Republic: Versailles and German Fascism. London: Pluto Press, 1999; Crook W. H. The General Strike: A Study of Labor’s Tragic Weapon in Theory and Practice. University of North Carolina Press, 1931; Dutt R. P. Fascism and Social Revolution: A Study of the Economics and Politics of the Extreme Stages of Capitalism in Decay. Chicago: Proletarian Publishers, 1978 [1934]; Olgin M. J. Trotskyism: Counter-Revolution in Disguise. San Francisco:

- Proletarian Publishers, 1935; Rosenberg A. A History of the German Republic. London: Methuen and Co. Ltd., 1936. ↩
91. Ruger A. "The Colonial Aims of the Weimar Republic" in Stoecker 1977, p. 298. ↩
92. Там же, p. 300. ↩
93. Там же, p. 307 ↩
94. Edwards H. W. Labor Aristocracy: Mass Base of Social Democracy. Stockholm: Aurora Press, 1978, p. 39. ↩
95. Crew D. F. Town in the Ruhr: A Social History of Bochum, 1860–1914. New York: Columbia University Press, 1979, p. 217; Cp.: Hickey S. "The shaping of the German labour movement: miners in the Ruhr" in R.J. Evans (ed.), Society and Politics in Wilhelmine Germany. London: Croom Helm, 1978. ↩
96. Rosenberg A. A History of the German Republic. London: Methuen and Co. Ltd., 1936, p. 291. ↩
97. Независимая социал-демократическая партия (Unabhängige Sozialdemokratische Partei Deutschlands, USPD) была неустойчивой коалицией, сформированной в 1917 г. выходцами из СДПГ, стоящими на антивоенных позициях ↩
98. Rosenberg A. A History of the German Republic. London: Methuen and Co. Ltd., 1936, p. 294. Фогт (Vogt S. Nationaler Sozialismus und Soziale Demokratie: Die sozialdemokratische Junge Rechte, 1918–1945. Bonn: Verlag J.H.W. Dietz Nachf, 2006) идет дальше, подчеркивая реакционную политику СДПГ. Он предполагает, что правая тенденция Веймарской социал-демократии – которую он называет Junge Rechte – фактически включала в себя «фёлькишские» "национал-социалистические" традиции, подобные традициям НСДАП. Как и НСДАП, СДПГ Веймарской эпохи была полностью привержена этническому национальному шовинизму, идее экспансии на Восток и отражала интересы "реакционного Mittelstand" (среднего класса). Интересный ответ Фогта на критический обзор

Курландера (Kurlander) на его книгу можно найти по

ссылке:<https://lists.h-net.org/cgi-bin/logbrowse.pl?trx=vx&list=h-german&month=0706&week=c&msg=dIUaX9sfvCF%2bpbq0AcKfbDw&user=&pw=> ↩

99. Jaffe H. *The Pyramid of Nations*. Milan: Victor, 1980, p. 55. ↩
100. Abraham D. *The Collapse Of The Weimar Republic: Political Economy and Crisis*. New York: Holmes & Meier, 1986, pp. 238-242. ↩
101. Подразумеваются займы Германии от США и других империалистических стран. – Примеч. ред. ↩
102. Речь идет о легкой и капиталоемкой машиностроительной, электротехнической и химической отраслях. – Примеч. ред. ↩
103. Там же, p. 16. ↩
104. Geary D. ‘Labor’s Way’: A Response to David Abraham // *International Labor and Working-Class History*. 1985, no. 28, Autumn, p. 41. ↩
105. Vajda M. *Fascism as a Mass Movement*. London: Allison & Busby, 1976, pp. 15, 19. ↩
106. Eley G. “What Produces Fascism: Preindustrial Traditions or a Crisis of the Capitalist State?” in Michael N. Dobkowski and Isidor Wallimann (eds.), *Radical Perspectives on the Rise of Fascism in Germany, 1919–1945*. New York: Monthly Review Press, 1989, p. 78; Cp.: Larsen S. U., Hagtvet B., Myklebust J. P. *Who Were the Fascists? Social Roots of European Fascism*. Bergen: Universitetsforlaget, 1980. ↩
107. Schoenbaum D. *Hitler’s Social Revolution: Class and Status in Nazi Germany, 1933–1939*. London: Wiedenfelt and Nicolson, 1966, pp. 78–9; Kater M. *The Nazi Party*. Oxford: Blackwell, 1983, pp. 117–119. ↩
108. Mason T. *National Socialism and the Working Class, 1925 – May 1933* // *New German Critique*. 1977, no. 11, Spring. ↩
109. Geary D. *Who voted for the Nazis? Electoral history of the National Socialist German Workers Party* // *History Today*. 1998, October, vol. 48, no. 10, pp. 8–14. ↩

110. Brustein W. *The Logic of Evil: The Social Origins of the Nazi Party, 1925–1933*. New Haven: Yale University Press, 1996, p. 120. ↩
111. Там же, p. 157. ↩
112. Там же, p. 148. ↩
113. Там же, pp. 148–9. ↩
114. Там же, p. 149. ↩
115. Там же. ↩
116. Там же, p. 153. ↩
117. Немецкая Народная партия (Deutsche Volkspartei, DVP), до 1918 г. называвшаяся Национал-либеральной партией (Nationalliberale Partei), представляла в Германии крупную промышленность. Ее лидером был министр иностранных дел Веймарской республики Густав фон Штреземан. ↩
118. Там же, pp. 153–154. ↩
119. Там же, pp. 155–156. ↩
120. Grunberger R. *A Social History of the Third Reich*. London: Penguin Books, 1974, pp. 242, 247. ↩
121. Schoenbaum D. *Hitler's Social Revolution: Class and Status in Nazi Germany, 1933–1939*. London: Wiedenfelt and Nicolson, 1966, pp. 102–3. ↩
122. Neumann F. *Behemoth: The Structure and Practice of National Socialism*. London: Victor Gollancz, 1943, pp. 354–6; Grunberger R. *A Social History of the Third Reich*. London: Penguin Books, 1974, p. 252; Bry G. *Wages in Germany*. New Jersey: Princeton University Press, 1960, pp. 235–9; Guillebaud C.W. *The Economic Recovery of Germany*. London: MacMillan & Co., 1939, pp. 204, 178, 187; Schoenbaum D. *Hitler's Social Revolution: Class and Status in Nazi Germany, 1933–1939*. London: Wiedenfelt and Nicolson, 1966, pp. 104–106. ↩
123. Grunberger R. *A Social History of the Third Reich*. London: Penguin Books, 1974, pp.

261-2. ←

124. Kater M. The Nazi Party. Oxford: Blackwell, 1983, p. 82. ←

125. Там же, p. 85. ←

126. Aly G. Hitler's Beneficiaries: Plunder, Racial War and the Nazi Welfare State, translated by Jefferson S. Chase. New York: Metropolitan Books, 2007; Biehl J. How Germans fell for the 'feelgood' Fuehrer // Der Spiegel. 2005, March 22. Али ранее подчеркивал экономическую логику еврейского Холокоста. См. работу Браунинга (Browning C. The Path to Genocide: Essays on Launching the Final Solution. London: Canto, 1995.), в которой кратко изложена суть дебатов между "функционалистами", которые, как и Али, отмечают экономические истоки нацистского стремления к геноциду, и "интенционалистами", которые подчеркивают примат его идеологических и "иррациональных" аспектов. ←

127. Там же, p. 291. ←

128. Там же, p. 317. ←

129. Grunberger R. A Social History of the Third Reich. London: Penguin Books, 1974, p. 259. ←

130. Там же, p. 241. ←

131. Mason T. Labour in the Third Reich, 1933-1939 // Past and Present. 1966, no. 33, April, p. 127. ←

132. Aly G. Wie die Nazis ihr Volk kauften // Die Zeit. 2005. April 6. ←

133. Tooze A. "Economics, Ideology and Cohesion in the Third Reich: A critique of Goetz Aly's Hitler's Volksstaat," English version of essay for Dapim Lecheke HaShoah. 2005. URL: http://www.hist.cam.ac.uk/academic_staff/further_details/tooze-aly.pdf Али утверждает, что более 2/3 нацистского военного бюджета составляла контрибуция завоеванных стран, заработная плата принудительных рабочих и конфискованное имущество европейских евреев. Туз, однако, настаивает на

том, что фактические военные расходы (размер их стал известен уже после поражения Германии) финансировались примерно на 50% на кредитной основе, что свидетельствует о том, что немецкая доля нацистских военных расходов намного выше по сравнению с иностранной, чем предполагает Али. В ответ на это Али отметил, что включение в подсчет государственного долга ошибочно, если анализировать успехи Гитлера в деле формирования общественных настроений. “Тогда, как и сейчас, – пишет Али (Aly G. *Wie die Nazis ihr Volk kauften* // *Die Zeit*. 2005, April 6.), – люди интересуются государственным долгом лишь мимоходом, но они начинают возражать, когда вдруг их налоги повышаются до 10 или даже 50%. Вот что важно в моем анализе. Речь идет о способе взаимодействия народа и власти, а не о просчетах в военных расходах”. Для сравнения, в 2009 г. дефицит торгового баланса США составил \$380,7 млрд, что значительно больше, чем ВВП всего Африканского континента, за исключением Южной Африки, Нигерии, Египта, Алжира и Ливии. ↩

134. Dimitrov G. *Against Fascism & War / Report to the 7th World Congress of the Communist International*. 1935, p. 2. ↩

135. Необходимо учитывать, что это программа времён “социал-фашизма”, т.е. обвинении социал-демократов в скрытом фашизме, которая породила тактику, приведшую к расколу рабочего движения и ставшую одной из причин победы фашизма в Германии. Тем не менее, СДПГ действительно играла весьма реакционную роль. Подробнее см.: Гинцберг Л. *Германская социал-демократия в период фашизации Германии (годы канцлерства Брюнинга)* (saint-juste.narod.ru/spd.html), Датт Р.П. *Социал-демократия и фашизм* (saint-juste.narod.ru/Palme_Dutt.html). – Примеч. ред. ↩

136. *Communist Party of Great Britain, The Communist Review*, vol. II, January 1930, no. 1.

↩

137. Smith W. D. The German Colonial Empire. University of North Carolina Press, 1978, pp. 60-5. ↩
138. Gopal S. Jawarharlal Nehru: A Biography, 1889-1947. London: Cape, 1975, p. 237; Nehru J. The Discovery of India. London, 1961, pp. 511-14. ↩
139. Schmitt-Egner P. Kolonialismus und Faschismus: Am Deutschen Beispiel. Giessen: Andreas Achenbach, 1975, p. 5; Cp.: Sarkisyanz M. Hitler's English Inspirers. Belfast: Athol Books, 2003. ↩
140. Lal V. Manifesto on Western Racism // American Historical Review. 1998, vol. 103, December, pp. 1188-89. ↩
141. Hehn P. H. A Low Dishonest Decade: The Great Powers, Eastern Europe, and the Economic Origins of World War II, 1930-1941. New York: Continuum, 2002, p. 145. ↩
142. Löwenthal R. "The fascist state and monopoly capitalism" in Beetham 1983, pp. 338-9. ↩
143. Sayles J. Y. Meditations on Frantz Fanon's Wretched of the Earth: New Afrikan Revolutionary Writings. Chicago and Montreal: Spear and Shield Publications and Kersplebedeb, 2010, p. 188. ↩
144. Некорректно характеризовать это и подобные ему современные движения как фашистские. Фашизм был орудием буржуазии в конкретных условиях 1920-1930-х гг., необходимым для усиления государства и использования его в своих целях. Сегодня Национальный фронт и т.п. вряд ли являются чем-то большим, чем просто реакционными движениями. См. суждение Жан-Марка Руйяна по этому поводу: Левые и неолиберализм (sceptis.net/library/id_3519.html). – Примеч. ред. ↩
145. Weissmann K. The epoch of National Socialism // The Journal of Libertarian Studies. 1996, vol. 12, no. 2, Fall, pp. 257-294. URL: http://mises.org/journals/jls/12_2/12_2_3.pdf ↩

146. Townsend M. Searchlight poll finds huge support for far right 'if they gave up violence'. Level of far-right support could outstrip that in France or Holland, says poll for Searchlight // The Guardian. 2011, February 26. URL: <http://www.guardian.co.uk/uk/2011/feb/27/support-poll-support-far-right> ↩
147. Oesch D. Explaining Workers' Support for Right-Wing Populist Parties in Western Europe: Evidence from Austria, Belgium, France, Norway, and Switzerland // International Political Science Review. 2008, vol. 29, no. 3, p. 350. ↩
148. Это понятие – эвфемизм цитируемого автора, прикрывающий популистский шовинизм, который широко распространен среди рабочей аристократии. – Примеч. ред. ↩
149. Там же ↩
150. Wacquant L. Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity, Durham. N.C.: Duke University Press, 2009. ↩
151. Хотя они и не были достаточно прибыльными, чтобы породить массовую рабочую аристократию, отношения между Советским Союзом и странами Третьего мира, входившими в сферу его влияния, имели элементы такого “социалистического” неокOLONИализма. См., например, исследование Цохаса (Tsokhas K. The political economy of Cuban dependence on the Soviet Union // Theory and Society, 1980, vol. 9, no. 2, Special Issue on Actual Socialisms, March, pp. 319–362.) для убедительного анализа проникновения на Кубу советского “социал-империализма”. ↩
152. Chomsky N., Herman E. S. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. New York: Pantheon Books, 1988; Edwards D., Cromwell D. The Guardians of Power: The Myth of the Liberal Media. London: Pluto Press, 2005. ↩
153. Haithcox J. P. Communism and Nationalism in India: M.N. Roy and Comintern Policy, 1920–1939. New Jersey: Princeton University Press, 1971, p. 203. ↩

154. Thomson D., Larson R. Where Were You Brother? An Account of Trade Union Imperialism. London: War on Want, 1978. ↩
155. Там же, р. 73. ↩
156. Там же, р. 28. ↩
157. Sprague J. Failed Solidarity: The ICFTU, AFL-CIO, ILO, and ORIT in Haiti // Labor Notes. 2006. September 28. URL: <http://labornotes.org/node/230> ↩
158. Masuku B. ITUC World Congress and ILO Conference outcomes: Spaces for real change or illusions of a dream permanently deferred? 2010, URL: <http://www.unionbook.org/profiles/blogs/cosatu-first-substantial-and> Ким Сципес (Scipes K. Labor Imperialism Redux? The AFL-CIO's Foreign Policy Since 1995 // Monthly Review. 2005, vol. 57, no. 1, May. URL: <http://www.monthlyreview.org/0505scipes.htm>) и Гарри Келбер (Kelber H. AFL-CIO's Dark Past: A 6-Part Series // The Labor Educator. 2004, online: <http://www.laboreducator.org/darkpast.htm>) подробно писали о том, как рабочее движение Соединенных Штатов сознательно стало инструментом империалистической внешней политики США ↩